Молилась ли ты на ночь?

Автор:
Елена Логунова

Молилась ли ты на ночь?

Елена Логунова

Индия Кузнецова #4

Сотрудница рекламного агентства Индия была в шоке: ее пригласили организовать вечеринку, а встретили как девушку по вызову! Оказывается, кто-то приделал к чужому голому телу ее фото, поместил все это безобразие на визитку и пустил в народ, не забыв указать телефончик. И вот любители интимных радостей не замедлили объявиться! Спасла Индию верная подруга Алка. А на следующий день позвонил несостоявшийся клиент и потребовал вернуть ценнейшего нефритового слона, якобы украденного ночной бабочкой. Теперь бы разобраться, что это: дурацкий розыгрыш или хитроумная подстава?…

Елена Логунова

Молилась ли ты на ночь?

Глава 1

Поклонник был не мой, а Томочкин, но это не делало его менее привлекательным. Наоборот!

Для разнообразия было даже приятно, что молодой здоровый мужчина не тянется потеющими руками к моим коленками, не облизывается на мою новую губную помаду и взгляд его не влипает в глубину моего декольте, как муха, испытавшая приступ головокружения над банкой с вареньем. Юрий Павлович Куконин вел себя как джентльмен, и причин, объясняющих его благородное поведение, я видела две.

Во-первых, Юрий Павлович сидел рядом со мной не где-нибудь, а в его собственном автомобиле, который стремительно летел в потоке машин по главной городской магистрали. Таким образом, его внимание было занято главным образом процессом вождения, а руки – рулем. При этом у Юрия Павловича не было неотложной необходимости то и дело шерудить правой рукой в опасной близости от моих коленок, рискуя перепутать их с ручкой переключения скоростей – а соблазн этот для водителей автомобилей с механической коробкой настолько велик, что в машинах отечественного производства я стараюсь занять место на заднем диванчике. Как говорят гаишники – во избежание создания аварийной ситуации. Однако в данном случае я ехала в потрясающей новой иномарке, где не только коробка передач, но и вообще все, что можно, имело автоматическое управление. По-моему, даже крышечку пепельницы конструкторы оснастили электроподъемником!

Второй причиной, делающей мое пребывание в непосредственной близости от молодого энергичного мужчины вполне безопасным, была экстремальная влюбленность Юрия Павловича в Томочку Крылову. У нас в агентстве все знали, что Куконин втрескался в секретаршу Томочку по самые брови, а это, помимо прочего, говорило о том, что я не в его вкусе. У нас с Томочкой общее только одно – место работы, а так мы с ней похожи не больше, чем фламинго и колибри. То есть обе мы очень хороши, но каждая по-своему.

Если говорить подробнее, то я высокая стройная девушка с развитыми формами и не менее развитым интеллектом, а Томочка – типичный клон крошки-Дюймовочки, умственным развитием которой занимались лягушки, мыши и кроты. Да простят меня поклонники творчества Ганса Христиана Андерсена, но я искренне считаю миниатюрную красавицу, вылупившуюся из тюльпана, недалекой особой, которая малодушно плывет по воле волн и лишь в самом крайнем случае проявляет сообразительность и отвагу.

Такая позиция хороша во времена благородных рыцарей, но современная женщина должна быть мужественной. Томочка же – воплощенная

женственность в ее кукольном варианте, такой прелестный пупсик с золотыми локонами, огромными синими очами и розовым ротиком, похожим на нерасцветший бутон, застигнутый осенними заморозками. Росту в нашей очаровательной секретарше всего сто сорок четыре сантиметра. Это на десять сэмэ меньше, чем в мраморной Венере из Милоса, которая рядом с Томочкой показалась бы громоздкой бабищей.

Надо признать, мужчинам Томочка очень нравится, если не всем подряд, то очень многим. Подозреваю, что директор нашего рекламного агентства Михаил Брониславич Савицкий взял Томочку на зарплату именно поэтому. У нас в конторе не так много работы, чтобы добавлять к трем имеющимся штатным единицам четвертую. В офисе и без Томочки было тесновато, даже столов на всех не хватало. К тому же наша крошка-секретарша отнюдь не блещет интеллектом, но она и глупости изрекает с таким очаровательным видом, хлопая длинными ресницами и мило надувая губки, что это многих подкупает. Даже меня! Признаюсь, от созерцания столь чистого, незамутненного типа прелестной дурочки я впадаю в такой восторг, что начинаю подыгрывать и подражать: тоже таращу глазки, надуваю губки, сюсюкаю и называю всех вокруг котиками, солнышками и зайками. Томочка, простая душа, считает меня подружкой и с удовольствием делится дареными шоколадками и своими маленькими девичьими секретами.

Томочкины секреты, как правило, касаются реакции на нее новых клиентов агентства. Наш шеф велеречиво называет эту реакцию «экзистенциальный катарсис», хотя, на мой взгляд, это никакое не особое духовное просветление, наоборот, типичное помрачение рассудка. Сколько раз в состоянии упомянутого катарсиса впечатлительные клиенты агентства «МБС» подмахивали, не глядя, счета, которые выбросили бы в мусорку, если бы их не подала им своими нежными ручками златокудрая фея Томочка!

Впрочем, с Юрием Павловичем я своими соображениями не делилась. Дискредитировать Томочку в глазах господина Куконина было бы с моей стороны не просто свинством, а самой черной неблагодарностью. Час назад Бронич досрочно выдал мне очередную зарплату как раз из тех немереных денег, которые заплатил за рекламу влюбленный Юрий Павлович. Я такого счастья раньше следующей недели не ждала и страшно обрадовалась. Мне как раз очень нужны были деньги, потому что моя подружка Алка Трошкина наконец-то после долгих уговоров согласилась продать мне свою совершенно потрясающую сумку из натуральной кенгуриной шкуры с застежкой из

настоящих опалов. Сумку, на которую я засматривалась уже с полгода, Трошкина привезла из Австралии, найти вторую такую же в наших широтах было невозможно, и надо было поторопиться с покупкой, пока Алка не передумала.

Шеф, кстати, тоже вполне мог передумать и перенести выдачу зарплаты на более поздний срок. Очевидно, такая коварная мысль Бронича посетила, потому что он крепко сжал в руке денежные купюры, которые я уже считала своими, и нахмурился. Я угадала, что в следующий момент шеф попытается подвести философскую базу под возмутительное нежелание расставаться с деньгами, и не ошиблась. Бронич свел брови в одну лохматую линию и вкрадчиво спросил:

– А вот скажи мне, Инночка, кто должен следить за обновлением нашего сайтика?

Я осторожно высвободила из стиснутого кулака шефа денежные купюры. Чтобы Бронич не так болезненно ощутил их потерю, я с чувством потрясла его опустевшую руку и проникновенно сказала:

– Спасибо, Михаил Брониславич! Спасибо вам за то, что вы помните не только об обязанностях своих сотрудников, но и об их нуждах! А сайтик я дома обновлю, не сомневайтесь!

– Ты уже уходить собралась? – Шеф нахмурился пуще прежнего.

Я хлопнула ресничками а-ля Томочка:

– Да, а что?

Мы люди творческие, и рабочий день в нашей конторе всегда был ненормированным. Шеф нас особенно не цукает, и мы с девчонками строго придерживаемся неписаного правила: есть работа – мы делаем ее, нет работы – мы делаем ноги.

– Сейчас к нам приедет господин Куконин, тебе нужно будет показать ему печатные образцы буклетиков, чтобы он принял окончательный вариантик, – сообщил шеф.

– А я-то тут при чем? – удивилась я. – Куконина пусть Томочка охмуряет, он у нее за милую душу примет все, что угодно, хоть образцы буклетиков, хоть яд кураре!

– К несчатью, Томочка не может! – Шеф нервно забегал по кабинету.

Тут только я поняла, что он чем-то расстроен.

– Томочка попала в больницу! – сообщил Бронич, остановившись для того, чтобы гневно топнуть ногой. – Какое безобразие! Вот скажи мне, Инночка, кто должен очищать крыши от снега?

– Что, тоже я?!

Такого необычного задания я никак не ожидала.

– А при чем тут ты? – Шеф удивился, потом задумался и вдруг просветлел челом:

– А и верно! Хорошо придумано! Пошлю-ка я тебя!

Я мигом представила себя на заваленной снегом крыше офисной пятиэтажки в дворницком фартуке, с совковой лопатой в руках и обиженно сказала:

– Полегче, шеф! Я ведь тоже могу послать!

– Что? – Бронич, похоже, моей последней хамской фразы не услышал. – Инночка, присядь, я поставлю перед тобой задачку.

– На крышу не полезу! – предупредила я.

– На какую крышу? Я тебя в больницу отправлю, – сказал шеф.

– С чего это? Я вполне здорова!

– Именно поэтому!

Повеселевший Бронич с трудом протиснул свой упитанный зад между ручками офисного кресла, опустился на мягкое сиденье и по неистребимой детской привычке начал крутиться из стороны в сторону, бумкая ботинками о тумбу стола.

– Шеф! – позвала я. – Вы опять?

– Ах, прости, забыл! – Он сразу перестал вращаться.

Мы с девчонками поклялись отучить директора от вредной привычки использовать свое посадочное место как карусельку, после того как он умудрился намотать на ножку кресла телефонный шнур, оборвал его и потом полдня бегал по конторе, безвинно честя на все корки телефонную компанию и нас заодно.

– Слушай, какая история, – сказал шеф.

Я сложила ручки на коленках и приготовилась слушать.

Оказывается, сегодня утром Бронич послал Томочку в банк: у шефа кончилась наличность. А Томочка не только не справилась с делами, но еще умудрилась на подступах к банку получить травму, которую вполне можно было считать производственной – раз секретарша в этот момент находилась при исполнении служебных обязанностей. Наша крошка-Дюймовочка попала под небольшую снежную лавину, которая сошла с нечищеной крыши банковского здания. Ее не засыпало, но легкое сотрясение мозга она все-таки получила. Это выяснилось в больнице, куда травмированную красавицу с ветерком домчал какой-то свидетель данного происшествия. Очевидно, наша секретарша пережила шок, а свидетель – пресловутый экзистенциальный катарсис, потому что сама Томочка сообщить Броничу о ЧП не сообразила, а вот добрый человек не поленился разузнать наш служебный телефон и позвонить.

– Кто-нибудь должен съездить к Томочке и забрать у нее банковские документики, – сказал шеф. – А заодно навестить больную и все такое прочее… Апельсинчиков ей отвезти, что ли…

– Лучше денежек, – вкрадчиво посоветовала я. – Раз уж у нас сегодня день зарплатки.

По омрачившемуся лицу шефа было видно, что он не планировал распространять день зарплаты на весь трудовой коллектив, но деваться было некуда.

– Ладно, отвезешь Томочке денежек, – Бронич выиграл трудный поединок с не красящей его жадностью. – Заберешь у нее документики, а потом с ними сгоняешь в банк.

– Только на общественном транспорте я гонять не буду. Сами видите, что творится: трамвайчики к рельсам примерзают, троллейбусики в сугробах застревают, – напомнила я, потыкав пальцем в окно.

Оно представляло собой вставленную в модерновую алюминиевую раму картину «Зимняя сказка», но сказка эта была страшной, как те истории, которые сочиняет моя дорогая мамуля – знаменитая писательница, автор мистических ужастиков.

До середины декабря стояла нормальная для нашего южного края теплая погода, столбик термометра не опускался ниже плюс двенадцати градусов, но на прошлой неделе он упал, как подкошенный, в жуткие минуса. Город завалило снегом и заморозило, причем первыми, как водится, в глубокий анабиоз погрузились коммунальные службы. Начались проблемы с отоплением и транспортом. Неожиданно суровая для нашего региона зима радовала только нерадивых школьников, которые получили уважительную причину для пропуска занятий.

– Организуйте мне доставку, – попросила я.

Шеф призадумался. Служебного транспорта у нас нет, а финансировать мою поездку на такси Броничу откровенно не хотелось. Он уже начал говорить что-то о том, как полезны пешеходные прогулки на свежем морозном воздухе, и тут на мое счастье приехал Юрий Павлович Куконин.

Узнав о чрезвычайном происшествии с нашей секретаршей, он ужасно разволновался и в непечатных выражениях отказался терять время на просмотр печатных образцов, когда Томочка лежит в больнице, бедняжка, одна-одинешенька.

Моя коллега Зоя Липовецкая попыталась довести до затуманенного беспокойством сознания Куконина тот факт, что в травматологическом отделении городской больницы нынче полный аншлаг и Томочке там не скучно: компания большая. Зойка даже прочитала вслух опубликованную в городской газете заметку под названием «Холодная зима – горячая пора для травматологов», но Юрий Павлович, как заведенный, повторял одно: Томочка лежит там одна, лежит одна…

Наконец мы смекнули, что господин Куконин подсознательно жаждет разделить с Томочкой больничное ложе, и тогда все устроилось наилучшим образом. Шеф попросил Юрия Павловича отвезти меня в больницу к Томочке, чтобы передать пострадавшей апельсины, зарплату и наш общий привет, и господин Куконин с восторгом согласился.

И вот теперь мы с риском для жизни мчались по ледовому катку, в который превратилась транспортная артерия, держа курс на больницу. Мне очень хотелось верить, что мы попадем туда в качестве посетителей, а не пациентов. Кто как, а я вовсе не рвалась составить компанию травмированной Томочке!

Разговоров в дороге мы не вели, и я от нечего делать украдкой рассматривала Томочкиного поклонника. Юрий Павлович был очень даже ничего, только ростом маловат – по моим меркам, конечно. Рядом с ней он сошел бы за Гулливера.

Господин Куконин производил впечатление состоятельного человека, который свободно может позволить себе прикуривать от сторублевых купюр, просто не опускается до таких пошлых жестов. Юрий Павлович был дорого и со вкусом одет, отлично подстрижен, гладко выбрит и слегка надушен. Я-то сама не люблю лощеных мужчинок, на мой взгляд, между ними и симпатичными мне мачо разница примерно такая же, как между пиджаком из леопардовой шкуры и живым леопардом. Но Куконин изначально, до того, как его испортили деньги, явно был неплохой фактурой, так что даже пиджак из него получился симпатичный.

Обручального кольца на пальце у Юрия Павловича не было, и это должно было порадовать Томочку. Она уже не раз доверительно жаловалась мне, что ей надоело быть эмансипированной девушкой, самостоятельно зарабатывающей себе на «Орбит» без сахара и колготки со стрелками. То есть Томочка говорила об этом иначе, проще и яснее, примерно так: «Хочу богатого котика!» Хотя господин Куконин не канал за леопарда, он вполне мог сойти за породистого

представителя семейства домашних кошачьих – за британца, например. Щечки у Юрия Павловича были подходящие, хотя темперамент его отличал отнюдь не англосаксонский. Как он распереживался, узнав, что Томочка попала под снежный обвал!

Очевидно, волнение влюбленного Куконина за время пути не улеглось, потому что в подъезд больницы он влетел, как мячик для гольфа в свободную лунку. Даже машину запер уже на бегу, с расстояния в несколько метров, благо дрессированная иномарка реагировала на команды с брелочка-пульта. Сам Юрий Павлович ни на какие внешние раздражители не реагировал, даже мой вежливый окрик пропустил мимо ушей.

– Юрий Павлович, вы мне не поможете? – с нажимом спросила я в спину бегущего, как стайер, Куконина.

И безо всякого ответа поняла, что не поможет. Юрий Павлович рванул на третий этаж по лестнице, даже не заметив гостеприимно открытые двери лифта.

Сгибаясь под тяжестью авоськи с апельсинами, я вошла в кабину и прибыла в травматологию немного раньше Куконина, совершающего забег по ступенькам.

– Привет, Томчик! – сказала я, войдя в палату, тесно заставленную допотопными кроватями с панцирными сетками.

На одном из таких сооружений полулежа-полусидя помещалась наша Томочка. Глубоко продавленная сетка кровати провисала, как гамак, и разглядеть прячущуюся в подушках миниатюрную девушку представлялось возможным лишь потому, что больничные подушки были плоскими, как блинчики из пресного теста.

– Ой, Инночка, зайка, привет! Ты ко мне? – Она обрадовалась и отложила в сторону иллюстрированный журнал с крупным натуралистическим изображением уха, отягощенного монументальной серьгой с неприлично большим бриллиантом.

Украшение такого размера оттянуло бы маленькое ушко Томочки до плеча, уподобив его эллиптическому слуховому органу статуи с острова Пасхи или собаки породы бассет-хаунд. Вообще-то мне бассеты нравятся, у моего

сердечного друга Дениса четвероногий друг как раз такой породы, пес Барклай, совершенно умилительная душка. Но Томочку, в отличие от Барклаши, мочки, болтающиеся в районе грудной клетки, вряд ли украсят… Впрочем, я не стала огорчать этим нашу Дюймовочку.

– Присматриваешь новые сережки? – улыбнувшись, спросила я.

– Ах, солнышко, уж больно дорогие! – вздохнула Томочка, с сожалением посмотрев на картинку.

– А я тебе, зайка, зарплату принесла, – в тон и в тему сказала я. – Шеф наш сегодня раскошелился.

– С чего бы это?

– Куконин заплатил за рекламу, – объяснила я. – Кстати, он сейчас сюда примчится.

– Как он примчится? – не поняла Томочка.

– На крыльях любви, как Купидон, только не с небес, по нисходящей линии, а с земли, по восходящей: он как раз сейчас воспаряет по ступенькам, – несколько тяжеловесно объяснила я.

Поймала недоумевающий взгляд Дюймовочки, спохватилась, что затолкала в одно предложение слишком много слов, трудных для понимания простодушной воспитанницы мышей, кротов и лягушек, и постаралась объяснить попроще:

– Зайка, Юрий Павлович поднимается по лестнице. Он непременно хотел тебя навестить.

– Куконин? – повторила Томочка и почему-то снова посмотрела на фотографию гигантской бриллиантовой серьги.

Наверное, прикидывала, что влюбленный Юрий Павлович принесет ей в качестве больничной передачки. Мне неохота было присутствовать при том, как Томочка будет разводить поклонника на покупку витаминов и бриллиантов, поэтому я

быстро сказала:

– Зайка, где тут у тебя банковские документы? Давай их мне, побегу дальше, я сегодня у шефа на посылках, как золотая рыбка.

– Золотая – это хорошо, – отстраненно пробормотала Томочка, явно думая о своем.

Впрочем, пластиковую папочку с документами она выдала мне без промедления. Я положила ее в сумку, водрузила на тумбочку сетку с апельсинами и сказала:

– Поправляйся, зайка, мы все тебе желаем скорейшего выздоровления и возвращения на работу!

Томочка выразительной гримаской дала понять, что куда-куда, а на работу ей не очень хочется, и потянулась к апельсину. Решив, что моя миссия выполнена, я удалилась и уже в коридоре встретилась с запыхавшимся Юрием Павловичем. Он где-то успел разжиться букетом цветов, что меня здорово удивило: неужели на лестничной площадке поставили цветочный киоск? Однако находчивый парень этот Куконин!

Выйдя из больничного корпуса на улицу, я сообразила, что все-таки вынуждена буду воспользоваться услугами общественного транспорта, потому что Юрий Павлович вызвался подвезти меня только к Томочке, а мне ведь еще в банк надо.

К сожалению, общественный транспорт отнюдь не спешил меня катать. С полчаса я топталась на заваленной сугробами остановке. Из-за непогоды удивительно рано стемнело, что было очень неуютно. К тому же сугробы продолжали расти, потому что снова пошел снег. Он густыми хлопьями валил с низкого неба и вихрился в желтом конусе света одинокого фонаря, как хлопья в колбе с каким-то химическим раствором. Это было очень красивое зрелище, и пару минут я с удовольствием любовалась им, но на третьей минуте поймала себя на мысли, что предпочла бы наблюдать снежную феерию через окно, из хорошо отапливаемого помещения.

Некоторое время я стояла смирно, пряча голову в плечи, а руки в рукава пальто и сосредоточенно дыша себе за пазуху. Потом я начала задорно перебирать ногами и притопывать, шумно хлопая себя по бокам и выдыхая морозный воздух

с ухарским возгласом: «Йи-эх!» До полноты сходства с бойкой солисткой фольклорного ансамбля «Сударушка» мне не хватало расписной шали на плечах, ложкаря на заднем плане и бурого медведя на подтанцовке. Особенно огорчало отсутствие медведя с его теплой шубой!

Троллейбусы все до единого сгинули в снежной кутерьме – не иначе вымерли, как мамонты во время ледникового периода. Да и сама я была уже недалека от полного вымирания, когда к моим деревенеющим ногам мягко подкатила роскошная иномарка, и бесценный Юрий Павлович Куконин голосом доброго ангела пригласил меня сесть в машину.

Я не просто села, я ворвалась в нее с гиканьем и посвистом, точно банда махновцев в мирную станицу! Благодарственно стуча зубами, бухнулась на сиденье, и оно затряслось подо мной, как вибромассажное кресло. В последнем усилии я обхватила себя за плечи, экономя силы, перестала издавать всякие звуки, закрыла глаза и сосредоточилась на процессе собственной разморозки. Господин Куконин, дай бог ему здоровья, понял мое состояние и не стал просить закрыть дверцу, сам вылез из машины, обошел ее и аккуратно загерметизировал салон с моей стороны.

Вопреки моему пожеланию, это доброе дело не прибавило милейшему Юрию Павловичу здоровья: пустившись в обратный путь, он поскользнулся, упал и в машину вернулся уже прихрамывая. Блаженная улыбка, которая образовалась на его ухоженной круглощекой физиономии после общения с милой Томочкой, трансформировалась в свое зеркальное отражение – унылую гримасу. Стеная и охая, господин Куконин принялся массировать левый голеностоп.

– Что с ногой? – встревожилась я.

Мне совсем не улыбалось вылезать из теплого салона. Да еще, не дай бог, тащить на себе охромевшего Куконина обратно в травматологию, как раз к Томочке под бочок!

– Сбылась мечта идиота! – тихо, чтобы он не услышал, прошептала я.

– Ничего страшного, похоже, просто сильный ушиб, на ногу ступать больно, – кривясь, отозвался мужественный Куконин.

– Как же вы теперь поведете машину? – забеспокоилась я.

Не прекращая стенать и охать, мученик сообщил, что это не проблема, так как автоматическая коробка передач свободно позволяет управлять такой машиной и одноногому водителю. Проблему Юрий Павлович видел в другом.

– Мне Томочка поручение дала – зайти домой к одному человеку, отдать ему кое-что, – обеспокоенно поведал он. – Как теперь быть, даже не знаю? Ехать-то я могу, а вот ходить…

– А я знаю, что делать! – заявила я, обрадовавшись возможности решить одновременно с чужой проблемой и свою собственную – транспортную. – Смотрите, у каждого из нас есть поручение, которым мы не можем пренебречь. Ведь не можем?

Куконин отчаянно замотал головой, подтверждая, что чем-чем, а поручением своей любимой, дорогой и ненаглядной Томочки он пренебречь никак не может, ни-ни!

– Тогда давайте сложим наши обязанности и поделим их оптимальным образом, соответственно возможностям каждого, – предложила я. – Вы поработаете у меня водителем, свозите меня в банк, потом домой. А я за это побуду у вас на побегушках! Говорите, куда надо будет идти, кому и что отдавать.

– Нужно отдать вот этот паспорт его владельцу!

Обрадованный Юрий Павлович уцелевшей ногой придавил педаль газа, и мы отчалили от остановки, которую продолжающийся снегопад сделал похожей на приют дрейфующих полярников. По пути Куконин переадресовал мне задачу, поставленную перед ним Томочкой.

Оказывается, наша милая Дюймовочка не ограничилась тем, что сорвала ответственное задание Бронича и на ровном месте схлопотала себе сотрясение мозга. Она умудрилась нажить еще одну проблему – из самых лучших побуждений! Томочка рассказала Куконину, что в банке она все-таки была, даже дошла до кассы, но деньги получить не успела, потому что обнаружила в выдвижном лотке паспорт, забытый предыдущим клиентом. Как хорошая девочка, Томочка взяла этот документ и, бросив кассирше: «Я быстро, сейчас

вернусь!», побежала вдогонку за рассеянным гражданином. Хотела вернуть ему паспорт, но не сделала этого, потому как на крыльце попала под лавину, упала, была поднята заботливым свидетелем и сразу же отвезена им в больницу. А чужой документ так и остался у Томочки. Вот она и попросила услужливого Юрия Павловича вернуть его владельцу по адресу, указанному в штампе о регистрации по месту жительства.

Влюбленный Куконин, конечно, не мог отказать своей милой фее в такой малости и с готовностью взялся за поручение, в выполнении которого собирался отчитаться завтра же. Как я поняла, Юрию Павловичу просто позарез нужен был подходящий предлог для нового визита к Томочке.

Я выслушала сбивчивый рассказ Куконина и сказала:

– Ну, давайте посмотрим, с кем мы имеем дело!

Изучение основного гражданского документа показало, что мы имеем дело с тридцатидвухлетним Полуянцем Ашотом Гамлетовичем, армянином, холостым, бездетным, военнообязанным, имеющим заграничный паспорт и прописанным в нашем городе по адресу: улица Белоберезовая, дом десять, квартира шестьдесят пять. Номер квартиры говорил о том, что дом, в котором проживает гражданин Полуянц, многоэтажный. Значит, я с моими целыми и исправными ногами действительно здорово пригожусь охромевшему Юрию Павловичу.

Мой водитель проложил маршрут так, что сначала мы заехали в банк и только потом покатили на улицу с лирическим названием Белоберезовая.

Что сподвигло градоустроителей дать такое название кривому переулку, затейливо петляющему между хаотично разбросанными зданиями, я не поняла, потому что ни одной березы там не было, ни белой, ни какого-либо другого цвета. Из древесной растительности на местности присутствовали только высокие раскидистые каштаны, ветви которых действительно были белыми и опасно скрипели, отягощенные снегом.

Пригибаясь и ежеминутно ожидая, что меня вот-вот накроет лавиной, как бедняжку Томочку, я пробежала в ближайший подъезд протяженной, как Великая Китайская стена, пятиэтажки и потом проделала этот номер еще четыре раза. Шестьдесят пятая квартира нашлась в пятом подъезде, на втором

этаже.

На лестнице я никого не встретила, на площадке тоже было пусто, и ничто не мешало мне спокойно оглядеться. Ближние подступы к шестьдесят пятой квартире выглядели вполне благопристойно: на пороге – египетский коврик с портретом фараона и этническими рисунками, бронированная дверь облицована благородным деревом, вместо ручки – массивное бронзовое кольцо-стучалка. Вряд ли Ашот Гамлетович был наследником принца Датского, но он тоже не бедствовал.

Электрического звонка на стене вблизи жилища гражданина Полуянца я не нашла, поэтому стукнула в дверь бронзовой баранкой. Против ожидания, варварского грохота не последовало, только приглушенный, вполне деликатный стук. Похоже, дверь была оснащена специальной системой звукоизоляции, акустику рассчитали так, чтобы стук был больше слышен внутри, чем снаружи. Определенно, соседям Ашота Гамлетовича было бы не на что пожаловаться, даже если бы гости шестьдесят пятой квартиры ломились в нее с применением стенобитного орудия типа «сокол».

Осмелев, я брякнула посильнее, и дверь неожиданно подалась. Ах, Ашот Гамлетович, беспечный человек!

– Мой дом – моя крепость! – хмыкнула я и заглянула в квартиру.

Там было тепло и светло, в отдалении играла музыка, слышались оживленные женские голоса и смех. Ага, по паспорту Ашот Гамлетович не женат, но это не значит, что у него нет подруги или даже нескольких подруг! Ашоты Гамлетовичи – они такие!

Я вошла в прихожую и громко сказала:

– Добрый вечер, извините, пожалуйста, кто тут хозяева?

Хозяева не отозвались, а смех стал громче. Меня явно не услышали, так что я вынуждена была переместиться с плиточного пола прихожей на сияющий паркет гостиной.

– Ау, кто-нибудь?

Женский голос, перебиваемый многоголосым смехом, лился из динамиков домашнего кинотеатра, на экране ломала комедию популярная дама-юмористка – шла развлекательная передача «Аншлаг». В шестьдесят пятой квартире зрителей у этого шоу не было, буквально – ни одной живой души. Зато на полу лежало мертвое тело.

– Ой! – испуганно пискнула я, врастая ногами в паркет.

На шикарном шерстяном ковре лежал, широко раскинув руки и ноги, горбоносый брюнет в черных брюках и белоснежной батистовой рубашке с оборванной верхней пуговкой. В образовавшемся вырезе курчавилась густая, как полярный мох, темная поросль. Экстерьер знойного брюнета был решен в основном в черно-белых тонах, исключение составляли только алый шелковый кушак и такого же цвета пятно на рубашке. О происхождении этого пятна не приходилось долго гадать, вопрос совершенно однозначно решал кинжал, торчащий из груди брюнета восклицательным знаком.

С трудом сглотнув комок, самопроизвольно образовавшийся в горле, я посмотрела на паспорт, который держала в левой руке. Внутренний голос подсказывал, что имеет смысл немедленно сравнить фотографию, вклеенную в этот документ, с бледной физиономией разлегшегося на полу брюнета.

Внутренний голос оказался прав. Если верить основному документу, незавидную и бессловесную роль кинжальных ножен исполнял Ашот Гамлетович Полуянц собственной персоной. Тот факт, что у моих ног лежит такой импозантный мужчина, в данной ситуации нисколько меня не радовал.

– Вот влипла, так влипла! – непослушными губами хрипло пробормотала я, посочувствовав сама себе.

Собственный голос показался незнакомым, и это напугало меня еще больше. Вдруг ужасно захотелось все бросить, дико завизжать и опрометью ринуться прочь из шестьдесят пятой квартиры, будь она неладна! Я уже напружинила колени, силясь оторвать ноги от пола, в который они вросли, как черенки садовой розы в благодатную почву клумбы, но тут мой внутренний голос четко и ясно сказал:

«Стой! Уйти надо так, чтобы не оставить следов!»

«Так мне что, сапоги снять?» – огрызнулась я и оглянулась.

Мокрые отпечатки моих рифленых подошв отчетливо виднелись на блестящем паркете.

«Оставь в покое сапоги! – сердито сказал внутренний. – У тебя в сумке должны быть влажные салфетки, достань их. Отступая к двери, будешь вытирать свои следы. Да! И паспорт убитого тоже протри».

Следуя наставлениям рассудительного внутреннего, я вытянула из кармана пальто кожаные перчатки, натянула их, а потом дрожащими руками достала из сумки пакетик с влажными салфетками. Пропитанной душистым лосьоном тряпочкой я тщательно протерла кожаную обложку чужого паспорта и ламинированную страничку с фотографией, истребляя на них свои отпечатки пальцев, а потом затолкала старательно продезинфицированный документ гражданина Полуянца в сумку.

«С ума сошла? – тут же шикнул на меня внутренний голос. – Не вздумай унести документ убитого с собой!»

«А куда его деть?» Я огляделась по сторонам.

Бегать по комнате, умножая число своих следов, не хотелось, но просто так бросать паспорт на пол тоже казалось неправильным. Это выглядело бы как-то неестественно, ведь документы нормальные люди обычно хранят в более укромных местах.

«Дура! Ты на Полуянца посмотри: по-твоему, он выглядит нормально и естественно?!» – рявкнул на меня внутренний голос.

Пришлось согласиться, что нормальности и естественности в позе Ашота Гамлетовича мало, а в причине его смерти и того меньше.

«Забрось паспорт на полку», – посоветовал внутренний.

В школьные годы я неплохо играла в баскетбол, и теперь этот опыт мне пригодился. Не сходя с места, я выудила твердую кожистую книжицу из сумки, прицелилась и точным броском по параболе отправила ее на верхнюю полку мебельной стенки. Там паспорт обо что-то стукнулся и с тихим шорохом провалился в щель между стеной комнаты и задней поверхностью платяного шкафа.

«Да, это вполне укромное местечко! Фиг кто найдет! – язвительно похвалил меня внутренний голос. – А теперь шевелись, уноси ноги!»

Я полезла в пакетик за новой салфеткой, и в этот момент случилось нечто неожиданное и пугающее. Моя левая щиколотка вдруг оказалась в плену тугого захвата!

– Что…

Я опустила глаза, и в этот момент меня рывком дернули за ногу. Подошва левого сапога со свистом шаркнула по паркету, правая нога подкосилась, и я с высоты своего роста опрокинулась на спину, крепко приложившись затылком о паркет. Ударилась я больно, так что искры из глаз посыпались, и сквозь этот праздничный фейерверк я близко-близко увидела желтые пальцы скрюченной руки трупа и не предусмотренное узором ковра обширное пятно крови.

«Только не отрубайся!» – испуганно взвизгнул мой внутренний голос.

«Не буду», – мысленно протянула я.

И, конечно, отрубилась!

Глава 2

Димон в панике выскочил из-под дивана, как цепной пес из конуры, да так и понесся к выходу на четвереньках, но уже в прихожей сообразил, что густо залапал начищенный паркет своими потными ладонями, и вернулся в комнату – уже на двух ногах.

Прямохождение не было для него таким затруднительным делом с благословенных времен младенчества. Стоило Димону взглянуть на два неподвижных тела, валетом раскинувшихся на мокром от крови ковре, как ноги его начали мелко вибрировать, коленки стали пластилиновыми, и он не повис на дверном косяке, как оборванная занавеска, только потому, что твердо помнил: нельзя оставлять на месте преступления отпечатки.

– Я не виноват! – дрожащим голосом сказал Димон, бочком подбираясь к упаковке влажных салфеток, валяющейся на полу рядом с телом женщины, которую он, похоже, убил. – Я не хотел!

Его еще тянуло добавить: «Я больше не буду!» – но он не знал, чего, собственно, больше не будет. Дергать людей за ноги? Или резать их, как дикий горец? Так он этого мужика не резал! Тот так и лежал с кинжалом в груди, как пришпиленная коллекционная бабочка, когда Димон вошел в квартиру, намереваясь всего-навсего предложить хозяевам посмотреть новый каталог немецкой одежды «Гюнтер».

Он уже приготовился привычно расхваливать современный дизайн и традиционно высокое качество одежды из Германии, когда внезапно обнаружил, что находящемуся в комнате человеку из всех видов модной одежды и обуви имеет смысл предлагать только саван и белые тапки. Хотя на этот наряд имелся достаточно стабильный спрос во все времена, именно его в каталоге «Гюнтер» почему-то не было. «Однако это упущение!» – машинально подумал Димон, подсознательно постоянно занятый выявлением свободных рыночных ниш.

Вид мужика с кинжалом в подреберье поверг Димона в полный ступор. Он никогда прежде не переживал ничего подобного и ничуть не обрадовался новому впечатлению, но вынужден был прочувствовать его в полной мере. Просто потому, что испугался и растерялся настолько, что застыл, как ледяная фигура – мужской вариант неодушевленной Снегурочки.

Димон не смотрел на часы и не знал, как долго он торчал посреди комнаты неподвижным столбом. Время вокруг него стало тягучим и плотным, точно капля смолы, и он застрял в ней, как муравей, однако в какой-то момент сквозь вязкую янтарную толщу проник приглушенный настойчивый звук: стук в дверь.

Смола вскипела и испарилась, и муравей забегал, как ошпаренный. Димон прекрасно помнил, что входная дверь была открыта, и он тоже ее не запер, только прикрыл за собой. Сообразив, что тот, кто стучится, может в любой момент беспрепятственно войти, Димон затравленно огляделся и в панике спрятался под диван.

Едва он скрылся за шерстяными лохмами дорогого пледа, косматого, точно отродясь не стриженный баран, как в квартиру вошла женщина. Димон слышал, как она из прихожей зовет хозяев и при этом неуклонно продвигается в комнату. Потом возле дивана прямо перед глазами Димона возникли ноги в заснеженных сапогах. Ноги замерли на одном месте и стояли в полной неподвижности так долго, что снег на сапогах успел растаять, а Димон в ожидании дальнейшего развития событий бесшумно и яростно сгрыз четыре ногтя и едва не сошел с ума. Возможно, он все-таки малость тронулся, потому что внезапно поддался совершенно неконтролируемому порыву и вынудил проклятые ноги изменить диспозицию, со всей силой дернув за ту из них, которая располагалась к нему поближе.

– Я это сделал в состояние аффекта! – оправдываясь, сообщил он девице, которая лежала на полу, красивая и неподвижная, как Мертвая Царевна, и явно не слышала никаких объяснений.

Димон не знал, хватит ли одного состояния аффекта на два убийства, одно из которых вообще чужое, но вникать в юридические тонкости вопроса было некогда.

Димон снова опустился на корточки. Пятясь, чужими салфетками старательно протер паркет, задом толкнул входную дверь, вывалился на лестничную площадку, поднялся, захлопнул дверь, отполировал влажной тряпочкой бронзовое кольцо-стучалку и побежал вниз по лестнице, приговаривая:

– Ничего не видел! Ничего не слышал! Ничего не знаю! Не был, не имел, не привлекался!

И только в трех кварталах от дома, уже сидя на диване в собственной квартире и трясясь, как отбойный молоток, Димон вспомнил, что забыл на месте двойного убийства, совершенного вскладчину с неизвестным преступником, новый каталог одежды «Гюнтер».

Шум шагов убегающего Димона стих, и в подъезде снова стало тихо и пусто, но не надолго. Прошло несколько минут, и сквозь раскачиваемую ветром снежную пелену в подъезд прорвался невысокий плотный мужчина в дорогом котиковом пальто.

Окрас меха поразительно точно совпадал с цветом волос мужчины, благодаря чему казалось, будто на голове у него маленькая плотная шапочка с дыркой на макушке. Это светлое пятно, которое издали можно было принять за вентиляционное отверстие в головном уборе, на самом деле было банальной плешью. Леониду Максимовичу Хризопразову совсем недавно исполнилось пятьдесят, что оправдывало и некоторое поредение волосяного покрова, и животик, очертаниями совпадающий с набрюшной сумкой для переноски младенца вместе с ее полугодовалым содержимым.

«Полтинник» оправдывал и позднюю пылкую страсть Леонида Максимовича: как известно, седина в голову, бес в ребро! Коварный бес ударил в область миокарда неделю тому назад, и целых шесть дней Хризопразов вел себя, как типичный влюбленный юноша. Он потел, краснел, бледнел, путал слова, прятал глаза и подбрасывал своему предмету обожания записки без подписи, цветочные букеты, коробки шоколадных конфет и уродливых плюшевых зверей. Это могло продолжаться бесконечно долго, но на седьмой день робкой осады предмет обожания Леонида Максимовича окончательно потерял терпение, а с ним заодно и девичью гордость, и решительно потребовал объяснений.

Хризопразов дал их примерно с той же охотой, с какой дают обвинительные показания в суде свидетели, выступающие против мафии. Леонид Максимович ничуть не удивился бы, если бы сразу по завершении своей признательной речи пал замертво, но действительность оказалась прекраснее его самой смелой мечты. Юная красавица весьма благосклонно выслушала своего пожилого поклонника и без долгих проволочек назначила тайное свидание.

– Вот ключи от моей квартиры, – деловито сказала красавица, вручая обожателю колючую связку. – Я буду на работе до шести, встречать меня не надо, пусть наши отношения пока остаются тайной для окружающих. Запишите адрес и приезжайте ко мне к шести часам, располагайтесь, чувствуйте себя как дома.

– Нет-нет, я дождусь вашего возвращения с работы и тогда приду, – попытался возразить старомодный Хризопразов.

Однако мудрая не по летам красавица возражений не приняла, сказав со знанием дела:

– Будет лучше, если вы придете пораньше и до моего появления как следует отдохнете в комфортных условиях.

Она тонко улыбнулась и добавила еще:

– Вам понадобятся силы.

Леонид Максимович все понял и сначала покраснел, как маков цвет, а потом побледнел, как поганка. Ключи от квартиры игривой прелестницы болтались на серебряном кольце с брелочком в виде ушастого белого кролика. Вид у грызуна, являющегося эмблемой мужского журнала «Плейбой», был лихой и задиристый. Хризопразов осознал, что ему предстоит непростой экзамен на мужественность, и остаток дня потратил на то, чтобы привести себя в максимальную кроличью боеготовность.

Два часа, проведенные Леонидом Максимовичем в спа-салоне, сделали его моложе лет на десять. Правда, Хризопразов и десять лет назад не отличался особыми мужскими талантами, но этой беде обещал помочь знакомый врач-андролог. За немалую сумму долларов он с заговорщицким видом вытащил из ящика стола маленький пластмассовый пузырек и сказал:

– Принимать по одной таблетке.

– До того или после того? – краснея, уточнил Леонид Максимович.

– Вместо того! – знакомый и потому бесцеремонный доктор заржал жеребцом, но при виде вытянувшейся физиономии пациента подавил обидный смех и объяснил нормально:

– По одной таблетке за четверть часа до начала процесса.

С этого момента беспокойство Хризопразова по всем предыдущим вопросам сошло на нет. Теперь его по-настоящему волновало только одно: необходимость предугадать развитие событий с точностью, которая позволила бы безукоризненно выполнить врачебную рекомендацию.

– А если процесса вообще не будет? – испуганно спросил Леонид Максимович самого себя с большим запозданием – уже под дверью квартиры.

На этот глупый вопрос ему никто не ответил. Отступать было поздно, и Хризопразов, коротко выдохнув, решительно и даже эротично втолкнул ключ в замочную скважину.

Дверь открылась легко, Леонида Максимовича это приободрило, но затем он увидел свет и услышал голоса, отчего едва не повернул обратно. Еще через мгновение он узнал хрипловатый голос и басовитый хохоток известной телеведущей и понял, что в квартире работает телевизор.

– Дорогая, вы уже дома? – робко позвал влюбленный.

Он прислушался, стараясь не обращать внимания на вульгарное гыгыканье жизнерадостной телевизионной дамы, и услышал, что в ванной ровно шумит вода.

– Дорогая! – с нежностью сказал Леонид Максимович и успокоился сразу по всем позициям.

Его дама поспешила вернуться домой пораньше и в ожидании гостя принимала водные процедуры, что, по мнению Хризопразова, выдавало женский голод красавицы и позволяло обоснованно надеяться: будет процесс, будет!

В предвкушении плотских радостей Леонид Максимович снял теплые ботинки и прошел в комнату, чтобы осмотреться на местности, где предстояло разворачиваться пресловутому процессу.

В первый момент он заметил только яркий экран огромного телевизора, полностью заполненный массивными прелестями телевизионной дамы, упакованной несообразно возрасту – в розовый шелк и кружева. Выглядело это

примерно так же, как колбасная витрина в праздничном новогоднем убранстве. Наделенный от природы не бог весть каким художественным вкусом, Хризопразов не сразу оторвал взгляд от экрана, а когда оторвал, сразу же пожалел об этом.

Новая картина, открывшаяся его глазам, была просто ужасна!

– Боже, что же это? Кто же это? Как же это? – нервно зажужжал Леонид Максимович, в один миг утратив с таким трудом обретенное душевное спокойствие.

Мужчину и женщину, лежащих на ковре, как Ромео и Джульетта в финальном акте трагедии, он не знал и никогда раньше не видел. Девушка была хорошенькая, а наружность мужчины Хризопразов не оценивал. Его взгляд приковала к себе одна-единственная колоритная деталь: кинжал, вонзенный в левый карман рубашки Ромео по самую рукоять.

Рукоятка была фигурная, чеканного серебра, с чернью и янтарными вставками, образующими сияющие треугольные глаза дикой кошки. Лезвия кинжала Леонид Максимович по понятным причинам видеть не мог, но он и без того знал, что на нем затейливым шрифтом, стилизованным под арабскую вязь, выгравированы безграмотные, но теплые слова: «Дарагому Лианиду от кунаков».

«Дарагим Лианидом» был не кто иной, как сам Хризопразов, о чем прекрасно знали его родные, друзья, коллеги по работе и те деловые партнеры, которых Леонид Максимович принимал у себя дома. Экскурсия в спальню, где на старинном восточном ковре ручной работы висел, грозно сверкая янтарными кошачьими очами, великолепный кинжал, подаренный хозяину дома воинственными, но щедрыми кунаками с Кавказа, входила в обязательную программу посещения дома. Таким образом, не менее сотни свидетелей могло подтвердить, что горбоносый брюнет – типичный кавказский кунак! – зарезан неповторимым кинжалом Леонида Максимовича Хризопразова. А от этого факта было уже рукой подать и до обвинения в убийстве.

– Да какая же это с-сволочь… – начал было Леонид Максимович, но не договорил.

Коротко и шумно выдохнув, он крепко стиснул кулаки и бросился в ванную, рассчитывая застать там ту самую сволочь, умывающую руки после кровавого

преступления – убийства, ответственность за которое с помощью раритетного кинжала коварно перекладывалась на плечи ни в чем не повинного «дарагого Лианида».

В санузле никого не было, только вода хлестала из крана в раковину, приводя этим в бешеный восторг водомерный счетчик. Хризопразов машинально закрыл кран, потом спохватился, сдернул с крючка полотенце и тщательно истребил на сантехническом устройстве свои отпечатки. Затем с полотенцем в руке вышел из ванной и безрадостно уставился на труп, нагло присвоивший себе его уникальный кинжал.

Оставлять на месте особо тяжкого преступления такую улику против себя, любимого, Леониду Максимовичу совсем не хотелось. Однако он чувствовал, что не найдет в себе сил выдернуть из мертвого тела окровавленный клинок, да и не стоило этого делать. Куда его потом девать, этот кинжал? Вернуть на законное место в ножнах, на ковре в спальне? Бр-р-р!

Хризопразов содрогнулся, представив, что в изголовье его кровати будет помещаться орудие убийства. Про крепкий сон тогда можно будет забыть навсегда! Кроме того, Леонид Максимович очень смутно представлял себе, как он понесет фигурный нож с двадцатипятисантиметровым обоюдоострым лезвием по городу. Не дай боже, его с такой зловещей игрушкой задержат! Тогда уж точно не оправдаться.

– Думай, Леня, думай! – прошептал он.

Незнакомый мертвый кунак с кинжалом в груди очень сильно отвлекал Хризопразова, мешая сосредоточиться на мысли о том, как бы ему половчее вывернуться из этой гадкой ситуации. Леонид Максимович с трудом отвел взгляд от гипнотизирующих его янтарно-желтых очей серебряного кинжального барса, и тут в поле его зрения попало бледное лицо женщины. Она тихо и спокойно лежала на ковре параллельно кунаку, только головой в противоположную сторону.

Лицо женщины было красивым, и все остальное, наверное, тоже было очень даже ничего, хотя Хризопразов затруднялся оценивать стати лежащей дамы. Ему, конечно, приходилось видеть прекрасных дам в горизонтальном положении, но ни одна из них при этом не была в зимнем пальто и сапогах.

Впрочем, игривые мысли в этот момент Леониду Максимовичу были чужды, интерес к «процессу» он утратил глубоко и надолго. Незнакомка заинтересовала его совсем в другом качестве: изобретательный Хризопразов уже видел ее в роли «козы отпущения», классической «стрелочницы», на которую можно свалить чужую вину.

Дама не имела видимых повреждений, поэтому относительно нее, в отличие от брюнета с кинжалом в подреберье, не было уверенности в том, что она мертва. Поколебавшись, Хризопразов присел и осторожно потрогал тонкое запястье женщины в промежутке между манжетой рукава и перчаткой. Рука красавицы была неотзывчивой, но теплой, и вполне ровный пульс нашелся без труда.

– Живая! – тихо обрадовался он.

Радость по своей природе была отнюдь не гуманной, ее породил чистый эгоизм. Если бы женщина была мертвой, за ее смерть кто-то должен был бы ответить. А раз она жива, значит, сама милым делом ответит за смерть ближнего своего – то есть брюнета с кинжалом!

Леонид Максимович вытащил из внутреннего кармана пальто ультратонкий мобильный телефон со множеством полезных функций и сделал первый шаг к своему спасению.

Глава 3

Я открыла глаза и некоторое время лежала неподвижно, вытянув руки по швам и равнодушно глядя в низкий косой потолок. Мысли мои текли медленно и не имели яркой эмоциональной окраски.

Почему-то меня не сильно огорчил тот факт, что я лежу на ледяном цементном полу в тесном неосвещенном помещении и нависающий надо мной косой потолок явно образован наклонной бетонной плитой. Мысль о том, что меня похоронили заживо, не причинила особого беспокойства, вызвала лишь легкое удивление: я не помнила, чтобы у нашего семейства был свой собственный фамильный склеп. Конечно, любящие родители могли построить его специально

для меня, но любящий брат ни за что не допустил бы такой скудости внутреннего убранства моего последнего приюта. Как талантливый дизайнер по интерьеру, Зяма должен был расстараться, так что у меня тут наверняка был бы и хрустальный гроб на цепях среди столбов, и пара ветвистых канделябров, и какой-нибудь симпатичный гобеленчик с изображением заламывающей руки растрепанной плакальщицы, и стильный молитвенник в тисненой коже с медными углами. «Готично!» – сказал бы тогда довольный своей творческой работой Зяма.

– Ой, боженьки! Девка, ты чего это на дороге разлеглась? Пьяная, что ли? Или больная?

Я почувствовала, что меня подпихнули в бок грубым сапогом, и неохотно отвлеклась от умиротворяющих мыслей о своей кончине. Похоже, это все-таки не склеп, в нормальном склепе на людей не орут и еще там не шастают горластые тетки в кирзовой обуви и с толстой сумкой на ремне. Где-где, а в склепе почтальоншам уж точно делать нечего!

Я кое-как села и привалилась к стене.

– Ты поскользнулась и башкой треснулась, да? – продолжала горланить тетка-почтальонша. – Вот ведь люди-гады, какая-то сволочь на ступеньках масло разлила, немудрено грохнуться! Девка, тебе «Скорую» вызвать? Ты живая или как?

– Так себе, – невнятно ответила я.

– Значит, живая! – Тетка обрадовалась, что не надо вызывать «Скорую», и оставила меня в покое.

Она быстро и деловито побросала в почтовые ящики корреспонденцию и вышла из подъезда, на прощанье бросив мне через плечо:

– Не сиди на холодном, застудишься!

– Не буду, – с минутной задержкой отозвалась я, оперлась о стену и попыталась встать на ноги.

Это мне удалось, хотя и с большим трудом. Держась рукой за ближайший почтовый ящик и старательно преодолевая головокружение, я медленно огляделась.

Что это за подъезд? На наш не похож, наш и почище, и посветлее, и попросторнее будет. Определенно, подъезд чужой. Тогда как же меня сюда занесло? И зачем?

Терзаясь вопросами, я вышла на крыльцо, заметенное снегом, и сквозь частую тюлевую завесу падающих снежинок увидела у подъезда роскошную новую иномарку, нездешнюю красоту которой не портил даже налипший снег. В снежной шубе ярко-красная машина смотрелась, как королевна в пурпуре и горностаевой мантии.

– Пам, пам! – сверкнув очами-фарами, призывно прогудела основательно заснеженная пурпурная красавица.

– Это мне, что ли? – не поняла я.

Стекло с водительской стороны поехало вниз, и в окошко высунулась круглощекая физиономия, которую я узнала и сразу вспомнила все остальное.

– Ну, что, дело сделано? – крикнул Юрий Павлович Куконин. – Что-то вы долго. Можем ехать?

– Минутку, – сказала я и отступила в подъезд.

Там я посмотрела на почтовые ящики, обозначенные номерами от единицы до двадцати, и поняла, что нахожусь в первом подъезде дома. А шестьдесят пятая квартира, в которую меня отрядил с чужим паспортом Куконин, должна быть в пятом. А почему же я тогда в первом? Я же вроде некоторое время назад была в пятом?

Я крепко стиснула виски руками и сделала пару глубоких вздохов. Пелена в моей голове не растаяла, но несколько поредела. Настолько, что сквозь нее я увидела сначала красивую деревянную дверь на металлической основе, потом телевизор с экраном в полстены, а затем все быстрее, как при перемотке видеоленты:

красивый ковер на полу, лужу крови на ковре, труп в луже крови и кинжал в груди трупа.

– Может, это все мне приснилось? – без особой надежды в голосе пробормотала я.

Рассчитывать на чудо, конечно, не стоило, но я все-таки расстегнула сумку и проверила, при мне ли тот проклятый паспорт, из-за которого заварилась такая каша. Я точно помнила, что отправила этот документ в ссылку за мебельную стенку. Я совершенно точно это помнила, однако паспорт был в сумке!!!

Чувствуя себя полной идиоткой, я открыла книжицу в красной обложке с гербом и увидела на фотографии незабываемую физиономию Ашота Гамлетовича Полуянца.

– Получается, что тебе все примерещилось? – недоверчиво спросил внутренний голос. – Никакого Полуянца с клинком в груди ты не видела, паспорт его за шкаф не зашвыривала и вообще в шестьдесят пятой квартире не была? Вышла из машины Куконина, забежала в первый подъезд да так в нем и осталась, поскользнувшись на масляной луже! Все остальное – сон и бред?

– Это очень странно, я ведь так ясно все помню! – не зная, что и думать, пробормотала я, озадаченно почесала в затылке и обнаружила там болезненную шишку особо крупных размеров. Не будучи специалистом-травматологом, по форме этого уплотнения я никак не могла определить, получена ли данная шишка в результате удара головой о паркет в квартире Полуянца или же о бетонный пол первого подъезда. В любом случае хорошо, что я была в капюшоне, иначе вполне могла бы и череп раскроить.

– Пам, пам! – вновь нетерпеливо позвала меня заснеженная четырехколесная красавица господина Куконина.

– Иду, иду! – раздраженно отозвалась я.

И действительно вышла из первого подъезда, но не сразу села в машину, а сначала вялой трусцой пробежалась вдоль фасада пятиэтажки до подъезда номер пять. Медленно, нога за ногу, поднялась на второй этаж, поглазела в тягостном раздумье на бронированный портал шестьдесят пятой квартиры и

придверный коврик с Тутанхамоном – точь-в-точь такие же, как в моем пугающем видении! – и решительно заявила выжидательно помалкивающему внутреннему голосу:

– Ты как хочешь, а я туда не пойду!

– Тогда просто положи паспорт в почтовый ящик! – как мне показалось, с облегчением посоветовал внутренний.

Так я и сделала. Поплевала на свой носовой платок, на всякий случай старательно протерла обложку документа и страницу с фотографией Полуянца и сунула книжицу с гербом в прорезь почтового ящика. Там было тесно от ярких рекламных проспектов и многостраничных бесплатных газет, и краснокожий паспорт легко затерялся среди них. Ничего, если Ашот Гамлетович жив-здоров, рано или поздно он вынет из ящика накопившуюся корреспонденцию и найдет среди прочего свой документ. А если Полуянц мертв, паспорт ему уже не понадобится.

Рассудив таким образом, я сочла свою миссию выполненной и с чувством определенного, но отнюдь не полного облегчения вернулась в ожидающую меня машину.

– Все в порядке? – деликатно зевнув в кулак, спросил Куконин, поворачивая ключ в замке зажигания.

– Все в полном порядке, – ответила я с уверенностью, которой не испытывала.

Милейший Юрий Павлович спросил, куда меня везти, и я назвала свой домашний адрес, уже не будучи уверена в том, что ничего не путаю. В моей травмированной голове все перемешалось. Наверное, именно поэтому я направилась не к себе, а к Алке Трошкиной.

Алка живет в том же подъезде, только двумя этажами ниже, на пятом. В школе мы с ней сидели за одной партой, а подружились еще в песочнице, так что Трошкина – мой старый боевой товарищ.

У Алки море достоинств и куча дурных привычек. Например, она то и дело бросает входную дверь открытой. Обычно я ее ругаю, но сегодня не стала. Не до этого.

Я толкнула дверь, вошла в прихожую, машинально сняла сапоги, так же машинально сунула ноги в безразмерные тапки «для гостей», прошаркала в комнату и тяжело упала в кресло.

– Кузнецова! Что с тобой? На тебе лица нет! – Алка встревожилась, но не сильно. – Что случилось? Опять в трамвае колготки порвала?

Колготки и трамваи – это, как сказал бы Александр Сергеевич Пушкин, «две вещи несовместные». Пушкин бы, я думаю, и покрепче выразился, если бы хоть раз прокатился в переполненном вагоне в тонких колготках, которые так и притягивают взгляды мужчин и угловатые сумки женщин.

– Нет, Трошкина, – горько ответила я. – На этот раз не колготки, но тоже ничего хорошего.

– Ты поссорилась с Денисом?

Алка занятно сортировала мои неприятности по степени значимости. Похоже, ей представлялось, что сердечные дела меня волнуют куда меньше, чем чулочно-носочные.

– С Денисом я не ссорилась, – сообщила я и уставилась в одну точку – на гвоздик в стене.

Раньше на этом гвоздике висел комнатный термометр в виде кораблика, но однажды он упал и разбился, а Трошкина, как ни старалась, не смогла найти достойной замены этому шедевральному аксессуару. Ни выцветшая бабушкина фотография в деревянной рамочке, ни детская сумка для пижамы, ни декоративное панно из меха северного оленя, изображающее почему-то среднерусского лесного ежика, на этом месте не прижились. Гибридный оленеежик мне, если честно, тоже не понравился, потому что наводил на нездоровые мысли о межвидовом скрещивании, что, с учетом места расположения гвоздика – над самым изголовьем Алкиной девичьей постели, – приобретало какой-то особый извращенный смысл. Хотя связка больших и

крепко засушенных красных острых перцев, на мой взгляд, смотрелась там совсем неплохо, с откровенным задорным намеком, вполне в духе модного феминизма.

– Что? Что ты так смотришь? – заволновалась Алка. – Опять тебе не нравится мой пустой гвоздик? Так я его скоро выдерну, видишь, как раз к ремонту готовлюсь!

Подружка опустилась на четвереньки, сняла с шеи узкую тесемку портновского метра и поползла вдоль стены, растягивая ленту и приговаривая:

– Метр… Еще метр… Еще… Всего три двадцать пять!

– Опять двадцать пять! – безжизненно отозвалась я.

Трошкина, успевшая переместиться в угол, перестала с непонятной радостью потрясать в воздухе метром, озадаченно села на задницу и снова устремила на меня испытующий взор:

– Инка! Инка, ау!

– А? – я с трудом оторвала взгляд от гвоздика и переместила его на лицо подружки.

– Быстро говори, о чем ты думаешь! – потребовала она.

– Об алиби, – не задумываясь, быстро ответила я. – Думаю, что я скажу, если меня спросят, где я была сегодня в период с семнадцати тридцати до половины седьмого.

– Можешь сказать, что ты была у меня, – предложила Трошкина. – Помогала мне измерять комнату. Я подтвержу.

Это меня проняло. Я перестала кукситься и с глубокой признательностью сказала:

– Трошкина, ты настоящий друг!

Я немного помолчала, заполнив паузу растроганным сопением, а потом спросила:

– У тебя морозилка пустая?

– А что? – опасливо спросила Алка.

Я пощупала свой затылок и сказала:

– Лед нужен.

– Слушай, Кузнецова, у меня ведь тут все-таки не морг, – заволновалась Трошкина. – Алиби я тебе, конечно, обеспечу, но лед тебе придется поискать где-нибудь в другом месте. И вообще, у меня морозилка продуктами занята, и не такая она большая… Хотя… Тебе кого заморозить-то надо?

– Удивляюсь я твоей проницательности, Алка! – Я поежилась. – Ты все переврала, но самое главное уловила. Без хладного трупа действительно не обошлось.

Трошкина сокрушенно вздохнула, покачала головой и спросила:

– И кого же ты грохнула? Я его знаю?

– Вряд ли ты его знаешь, я и сама не была с ним знакома. Тебе говорит что-нибудь такое имя: Ашот Гамлетович Полуянц?

– Оно говорит мне, что покойник был лицом кавказской национальности, – подумав, сказала Алка. – И больше ни о чем!

– Ашот Гамлетович был армянином, от роду ему было тридцать два года, жил он в нашем городе, жены и детей не имел.

– Эх, поторопилась ты убить человека! – посетовала Трошкина. – Глядишь, и женился бы!

– Да это не я его грохнула! – возмутилась я. – Он уже лежал мертвый, когда я пришла!

– А зачем ты к нему пришла? – спросила Алка. – Не хочу тебя воспитывать, но порядочная девушка накануне замужества не должна ходить ко всяким там… Ашотам!

– Слушай, не учи меня жить! – Я рассердилась. – При чем тут мое грядущее замужество, которое я лично вовсе не тороплю? Я пришла к этому Ашоту только для того, чтобы отдать ему его собственный паспорт! Полуянц документ потерял, а наша секретарша нашла, но сама вернуть не смогла, потому что попала в больницу, и пришлось мне вместо нее идти в эту проклятую шестьдесят пятую квартиру!

– Пойдем, я заварю чай, и ты расскажешь мне эту увлекательную историю с начала, – предложила мудрая Трошкина.

Мы переместились в кухню, Алка быстро спроворила чай и достала из шкафчика разноцветный картонный сундучок, полный замечательных шоколадных конфет.

– В супермаркете уже продают сладкие новогодние подарки, очень недорого, – объяснила подружка, заметив мое удивление. – Я решила купить заранее, пока конфеты свежие, и сразу все съесть, потому что до Нового года еще две недели и шоколад может поседеть.

– Разумно, – согласилась я и в знак одобрения Алкиной предусмотрительности съела подряд три «Белочки» и одного «Мишку».

– Хватит, озвереешь! – Трошкина решительно отодвинула от меня коробку с шоколадной живностью. – Теперь хлебни горяченького и давай начинай рассказывать.

Я послушно выпила душистого чаю, подперла голову ладошкой и поведала подружке о драматических событиях нынешнего вечера. Алка внимательно слушала, не перебивая, открыла рот, только когда я замолчала.

– Значит, вопрос «А был ли мальчик?» остается открытым, – резюмировала она.

– Какой мальчик?

– Уже никакой! Вот буквально – никакущий! Мертвый мальчик Ашот Гамлетович Полуянц с музейным кинжалом в груди! – разнервничалась Трошкина и, чтобы успокоиться, бросила в рот конфету.

Я последовала ее примеру, и так мы сидели, шурша фантиками и чавкая, пока сундучок не опустел.

– Значит, так! – дожевав последнюю «Белочку», постановила Трошкина. – История загадочная и непонятная, но прояснять ее как-то не хочется. Давай прикинем, что мы имеем.

– Конфет мы уже не имеем, это точно, – с сожалением пробормотала я.

– Обжора! – укорила меня подружка. – Возьми в шкафчике второй подарок.

– Ты скупила оптом? – обрадовалась я и послушно полезла в шкафчик.

– Мелким оптом! – с прозрачным намеком уточнила Алка. – Так что ты не очень разгоняйся.

– Не буду! – пообещала я, ловко раздевая очередного «Мишку».

Трошкина подумала немного и тоже приобщилась к организации медвежьего стриптиза.

– Мы имеем две гипотезы, – набив рот шоколадом, прошамкала она. – Первая: ты не была в шестьдесят пятой квартире, ты вообще не пошла дальше первого подъезда, где звезданулась головой, и мертвый Полуянц привиделся тебе в бреду.

– Но настоящая дверь шестьдесят пятой квартиры выглядит точно так же, как в моем бреду! – напомнила я. – Я ее очень хорошо запомнила, особенно коврик с Тутанхамоном. Как ты это объяснишь?

– Не знаю, – задумалась Алка. – Но вторая гипотеза тебе понравится еще меньше. Вторая гипотеза такова: ты на самом деле была в квартире Полуянца, видела труп, упала, ударилась головой, и в бессознательном состоянии была кем-то перенесена в первый подъезд.

– К сожалению, это больше похоже на правду, – признала я. – Однако и тут есть несоответствия. Как ты объяснишь то, что паспорт Полуянца вновь оказался у меня в сумке после того, как я забросила его за шкаф?

– Может, кто-то вытащил его из-за шкафа, пока ты валялась без сознания, и сунул тебе в сумку? – неуверенно предположила Алка.

– А зачем?

Мы обе растерянно замолчали и в наступившей тишине немного простимулировали умственную деятельность «Мишками». Потом Трошкина осторожно сказала:

– А ты совершенно уверена, что паспорт Полуянца у тебя был? Я имею в виду, во второй раз?

– Ты держишь меня за идиотку?

Я не поленилась сбегать в комнату, где оставила свою сумку, повесила ее себе на плечо, прибежала в кухню и устроила для подружки небольшую демонстрацию:

– Вот, смотри. Сумка висела у меня на плече, я открыла ее – вот так, сунула туда руку, и твердая книжечка документа сама собой прыгнула мне в руку! Паспорт в обложке трудно с чем-нибудь перепутать, разве что с блокнотом, но блокнот гораздо толще, а паспорт… Боже мой, паспорт! – Я шлепнула сумку на стол, сунула в нее обе руки и заработала ими, как миксер промышленной бетономешалки.

– Ты же сказала, что положила паспорт Полуянца в его почтовый ящик? – напомнила Алка, слегка отодвигаясь и глядя на меня с беспокойством. – Инка, по-моему, тебе надо срочно выпить успокоительное и лечь в постель!

– Мне надо выпить яду и лечь в могилу! – в отчаянии вскричала я, бухнулась на табуретку, обхватила голову руками и пару раз шумно ударилась лбом об стол.

В неоднократно битой голове загудело, на столе протестующее задребезжали приборы, а я басовито заревела:

– Алка-а-а! Я такая ду-ра-а-а!

– Ну, какая – такая? – ласково заворковала добрая Трошкина. – Самая обыкновенная, дура как дура, ничего особенного, нас таких миллионы!

– Не-ет, я такая одна! – возразила я, ничуть не испытывая радости от сознания собственной исключительности. – Алка, я все поняла!

– А говоришь – дура! – душевно вставила она. – Дура бы небось не поняла!

– А не дура небось не перепутала бы грешное с праведным! Алка, я действительно сунула в почтовый ящик документ Полуянца, а перед этим зашвырнула за полуянцевский шкаф свой собственный паспорт! – Я снова стукнулась головой об стол и, словно каратист, раскрошила лбом некстати подвернувшегося «Мишку».

– Ты хочешь сказать… У тебя в сумке было ДВА паспорта, свой и Полуянца? И ты их перепутала! Да-а-а…

Подружка выразительно замолчала, явно не зная, чем меня утешить. Мне, однако, очень хотелось услышать что-нибудь хоть мало-мальски утешительное, и я покрасневшими зареванными глазами с надеждой уставилась на Алку.

– Ох, вляпалась ты, подруга, в… в шоколад! – Трошкина бумажной салфеткой вытерла мне лоб, уронила испачканную бумажку на пол и забарабанила пальцами по столу. – Значит, придется принять гипотезу номер два.

– Это где никакущий мальчик все-таки был, да? – жалобно прохныкала я. – Ой, какое скверное совпадение получается! В шестьдесят пятой квартире на ковре лежит заколотый Полуянц, и в той же шестьдесят пятой квартире за шкафом лежит мой паспорт – чем не визитная карточка убийцы?!

Я высморкалась в бумажную салфетку и убитым голосом спросила:

– Трошкина, ты еще не передумала давать мне алиби?

– Алиби – это само собой, – раздумчиво протянула Алка. – Но это уже в крайнем случае… Слушай, а тебя в том доме кто-нибудь видел?

– Только тот злодей, который дернул меня за ногу и предположительно вынес из квартиры, – хмуро отозвалась я. – И еще тетка-почтальонша, уже в первом подъезде. Она нашла меня там, на полу.

– Вряд ли это была почтальонша, почту носят по утрам, – сказала Трошкина. – Скорее всего, это была распространительница какой-нибудь бесплатной газетки, и это хорошо.

– Почему?

– Потому что почтальонша приходит в дом каждый божий день, кроме воскресенья, а газетчица – раз в неделю, – объяснила Трошкина. – Меньше шансов, что она расскажет о вашей незабываемой встрече в подъезде кому-то из жильцов или милиции.

– Ой-ой-ой! – При мысли о милиции я снова пригорюнилась.

Алка сочувственно взглянула на меня и протянула:

– Ну, что я могу тебе сказать? – Она исторгла из своей тщедушной груди на диво могучий вздох, потом снова глубоко вздохнула и вдруг громогласно гаркнула:

– Вставай, нюня несчастная! Что тут думать, надо ехать!

– Куда?

– К Полуянцу, куда же еще! Надо забрать из его квартиры твой паспорт, пока не поздно!

– Если не поздно, – поправила я, но с табуретки вскочила, подхватила сумку и рысью поспешила в прихожую.

Пока Алка одевалась к выходу – без затей и со скоростью солдата, поднятого по тревоге, я вызвала такси, чтобы не терять время на общественном транспорте. Уже через десять минут мы тряслись в видавшей виды «Волге», которую тертый дядя-таксист с бешеной скоростью гнал по тихим переулкам, не нанесенным на городскую карту, чтобы отработать немалое вознаграждение, запрошенное с нас за срочность. Еще через четверть часа мы с Алкой выбрались из теплого прокуренного салона у шестнадцатиэтажной башни, расположенной на Белоберезовой улице в одном ряду с нужной нам пятиэтажкой, и, дождавшись, пока такси отъедет, заковыляли по пышным сугробам к дому покойного Полуянца.

Было около восьми часов, работающие граждане в большинстве своем уже вернулись домой, а гулять в метель желающих почему-то не было, так что во дворе было пусто. В парадном злополучного первого подъезда ютилась какая-то подростковая компания, но детишки сидели за закрытой дверью, из-за которой доносились трели мобильников, ломкие юношеские голоса и дружное ржание, наводящее на мысли о конюшне гусарского полка. В пятом подъезде было пусто; его окна ровно светились желтым, никакие движущиеся тени свет не загораживали.

– Плохо, что тут все лампочки целые, – пробормотала Трошкина, прижимаясь плечом к моему локтю. – Когда мы пойдем по лестнице, со двора нас будет отлично видно. Особенно тебя! И чего это ты вымахала такая здоровущая, чисто каланча!

– Мы не пойдем по лестнице, – сказала я.

Я нервничала и стучала зубами, но соображала уже гораздо лучше, чем час назад. Наверное, мои сотрясенные мозги успели улечься должным образом и заработали в нормальном режиме.

– Шестьдесят пятая квартира на втором этаже, – объяснила я. – Во-он те темные окна!

– Решеток нет, а чуть правее балкона козырек подъезда! – смекнула Алка. – Беру назад свои нелестные слова о твоем росте, в данной ситуации он скорее достоинство, чем недостаток.

Она хлопнула меня варежкой по спине и для проформы спросила:

– Что, каланча, одна полезешь или хочешь, чтобы я составила тебе компанию?

– Лучше вместе, – попросила я.

– Ах, чего только не сделаешь для лучшей подруги! – легко согласилась Трошкина. – Ну, полезли?

– Полезли, – согласилась я.

И мы пошли на преступление, которое называется «незаконное проникновение в чужое жилище». Что я могу сказать в свое оправдание? Только одно: это длинное и неизящное словосочетание пугало меня гораздо меньше, чем короткое словечко «убийство».

– А тебе не страшно? – спросила я Алку, когда мы бок о бок карабкались по дырчатой бетонной стенке, поддерживающей просторный козырек над входом в подъезд.

Стена была похожа на примитивный книжный стеллаж, и лезть по ней было не сложнее, чем по шведской стенке.

– А я, если что, в Австралию сбегу, – ответила Трошкина. – У меня виза действующая, и гражданство там получить не проблема.

– Хорошо тебе! – позавидовала я.

Алка недавно неожиданно для самой себя получила наследство в Австралии, даже слетала на Зеленый континент, но жить там не захотела.[1 - О связанной с этими событиями детективной истории читайте в романе Е. Логуновой «Дефиле озорных толстушек», издательство «Эксмо».] Я долго приставала к ней с расспросами, чем же ей не угодила Австралия, и Трошкина всякий раз

придумывала новую глупую причину, пока однажды не сказала, что по кенгуру она скучать не будет, а по лучшей подруге – будет, и даже очень. Эта причина, на мой взгляд, была совсем не глупой, я растрогалась и перестала донимать ее. А Алка, оказывается, не так проста, держит Австралию как запасной аэродром!

Вот так, думая о далекой стране, где как раз сейчас жаркое лето, мы с Трошкиной, как два ловких медвежонка-коала, вскарабкались на заснеженный козырек пятого подъезда и подобрались к углу балкона шестьдесят пятой квартиры.

– Беспечный тип был наш покойник! – укоризненно произнесла Алка. – Жил на втором этаже, а решетки на окна не поставил!

– Кто бы говорил! – уколола я подружку. – Сама дверь никогда не запираешь! Кстати, Полуянц тоже ее не запер.

– Когда? – заинтересовалась она.

– Когда лежал с кинжалом в груди.

– Ну, Кузнецова! Ты что, совсем того? – Трошкина покрутила у виска не одним пальцем, а целой варежкой. – Как же он мог запереть дверь, если лежал убитый?

– Надо было запереть ее заранее, еще при жизни! Может, тогда и не полег бы с кинжалом!

Мы глупо спорили, скукожившись на открытом всем ветрам козырьке, как две горгульи, и быстро покрывались снегом. Наверное, мы медлили потому, что вовсе не рвались в преступницы-домушницы и подсознательно пытались оттянуть переход грани закона. Однако медлить слишком долго нам было нельзя. Метель набирала силу, и был велик риск превратиться в снежных баб.

– Короче, Трошкина, отодвинься! – сурово сказала я, прикидывая, как бы половчее переметнуться с козырька на балкон. – Держи сумку!

Алка послушно взяла мою торбу и повесила на шею. Теперь у подружки было сразу две сумки, что придавало ей вид снаряженного для прыжка парашютиста. Мне даже захотелось пожелать Алке мягкой посадки, но я вовремя одумалась. Про посадки и отсидки в такой сомнительный момент говорить не стоило, еще накаркаю, не ровен час!

В общем, без всяких героических текстов, девизов и боевых кличей я прыгнула вперед и вверх и удачно ухватилась за верхний край балконного ограждения. Секунду висела на руках, потом кое-как подтянулась, поерзала ногами, нашла опору и тяжело, кособоко перевалилась через бортик. Толстая ткань пальто и снежок, наметенный ветром в угол открытого балкона, неплохо самортизировали, я не ушиблась, но в голове зашумело. Определенно, для одного вечера травматичных физкультурных упражнений многовато!

Я поднялась на ноги и выглянула за балкон, первым делом с опасливым интересом посмотрев вниз: ну-ка, куда бы я грохнулась, если бы не допрыгнула до балкона или не удержалась на его краю? Оказалось, ничего страшного мне не грозило, внизу росла пушистая голубая елочка, с виду – достаточно мягкая.

– Алка! Дуй сюда! – позвала я подружку, которая медленно, но верно превращалась в заснеженный пенек.

– Держи сумки! – сказала она.

Мы немножко согрелись, поиграв в баскетбол нашими торбами, причем я так увлеклась, что, поймав вторую передачу, безрассудно бросила ее обратно.

– Кузнецова, кончай ваньку валять! – сердито потребовала подружка, вернув мне пас. – Экономь силы, тебе еще меня на балкон затащить надо!

– Трошкина, ты чего? Кто из нас работает инструктором по лечебной физкультуре, я или ты? Не срамись! Ты должна запрыгнуть на этот балкон, как горный козлик! – съехидничала я.

– От козлика слышу! – огрызнулась Алка. – Нет, Инка, мы так не договаривались! Если ты мне не поможешь, я на этот балкон не полезу, неохота упасть и сломать себе что-нибудь нужное!

– Например, каблук, – поддакнула я. – Ничего более страшного с тобой не случится, если что – упадешь на елку.

– Пойду на елку? – не расслышав, переспросила Алка. – Сейчас?! Самое время поводить хоровод и позвать Дедушку Мороза с подарками! Пусть презентует нам крепкую веревочную лестницу и комплект начинающего домушника «Взломай сам»!

– Хватит болтать! – оборвала я эту глупую и неуместную речь. – Елка растет прямо под балконом, так что мы с тобой ведем высотные работы со страховкой. Подойди поближе, я свешусь за борт и протяну тебе руки, а ты подпрыгни и хватайся за меня!

– Только ты там зацепись за что-нибудь ногами, а не то мы вместе пойдем на елку! – попросила Алка.

Вот это уже была дельная мысль. Я просунула носки сапог в узкую щель между балконным ограждением и плитой основания и свесилась за борт, как кукольный Петрушка в райке. Трошкина немного попрыгала, разминаясь, что со стороны смотрелось совершенно дико. Подскакивая, заснеженная Алка с высоко поднятыми руками походила на замерзшего солдата разбитой гитлеровской армии, прыгающего от радости по поводу своего пленения. Я терпеливо ждала. Наконец подружка завершила свой сеанс лечебной физкультуры высоким прыжком с надежной ручной фиксацией в верхней точке полета.

Правда, я никак не ожидала, что тощенькая Трошкина окажется такой тяжелой, и несколько секунд мы висели, сцепившись руками и тяжело пыхтя, пока я собиралась с силами для рывка, который сделал бы честь штангисту-тяжеловесу.

– И-эх! – крякнула я, вздергивая болтающуюся на моих запястьях Трошкину вверх.

Алка не сплоховала, моментально нашла опору для ног, и мне сразу стало легче. Я подвела ее судорожно сжатые лапки к перилам, подождала, пока она за них ухватится, а потом взяла подружку под мышки и перетащила на балкон. Физкультурница Трошкина пружинисто приземлилась на ноги.

– Уф-ф! – сказала я, разминая плечи. – Сколько в тебе весу, Трошкина? Пора тебе прекращать лопать шоколадные конфеты килограммами!

– Это чтобы тебе их больше досталось, да? – съязвила Алка. – Ну-ка, пропусти меня к балконной двери, я замерзла и очень хочу в тепло.

– Не думаю, что дверь в ожидании нашего прихода гостеприимно открыта, – пробормотала я.

– Пустяки, – обмолвилась Алка, вдумчиво повозив носом по дверному косяку. – Тут очень простая защелка, я знаю, что делать.

– Правда? – уважительно протянула я.

Трошкина – большая умница, в школе она была отличницей, да и институт культуры окончила с красным дипломом, хотя применения своим культурным знаниям в реальной жизни как-то не нашла, у нас все больше некультурные навыки в цене. Однако я и не подозревала, что подружка кумекает не только в философских исканиях Сартра и Кьеркегора, но и в непростом деле организации проникновения со взломом!

– Дай кредитную карточку! – потребовала Алка.

– Ты где-то видишь банкомат?

– Дай мне карточку и помолчи!

Я заткнулась и достала из бумажника кредитку. Трошкина просунула кусочек упругого пластика в щель двери, провела карточкой вверх, ловко отжала язычок защелки и гордо обронила:

– Прошу!

Я не заставила себя уговаривать и торопливо нырнула в комнату, Алка юркнула следом за мной и аккуратно прикрыла дверь. Сразу стало не только теплее, но и темнее. Я снова пошарила в сумке и нашла ручку-фонарик – сувенирное изделие, которое наше рекламное агентство изготовило по заказу инвестиционной

компании «Поиск». На пластмассовом черенке авторучки был начертан тематический девиз: «Днем с огнем!». Полагаю, это означало, что компания «Поиск» без устали ищет выгодные проекты для размещения инвестиций.

Лампочка в сувенирном фонарике была дохленькая, но кое-какой свет все-таки давала. Во всяком случае, слабого лучика подсветки хватило, чтобы убедиться – в комнате никого нет. Вообще ни одной души, ни живой, ни мертвой!

– А где же труп? – с претензией спросила Трошкина. – Ты же говорила, он лежал на ковре?

Похоже, подружке очень хотелось своими глазами увидеть импозантного Полуянца с кинжалом в черно-бурой груди.

– Знаешь, а я даже рада, что его тут уже нет, – призналась я, вылезая из-под тюлевой занавески на простор комнаты.

При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что на ковре нет не только трупа, но и кровавого пятна, однако ощупывание показало, что покрытие подозрительно мокрое. Трошкина опустилась на корточки, как такса, и шумно обнюхала ковер.

– Чем пахнет? – спросила я.

– Стиральным порошком, – ответила Алка. – Похоже, по ковру прошлись хорошим моющим пылесосом.

– Заметали следы!

– Зачищали, – поправила она. – Ковер почистили, полы помыли, труп убрали… Ну и ладно, нам же лучше, мы-то с тобой сюда не за трупом пришли. Куда ты, говоришь, бросила свой паспорт?

– Сюда, за стенку! – я стукнула ладонью по дверце платяного шкафа.

Оставить на мебели следы своих рук я не боялась, потому что я пришла в перчатках, а Алка – вообще в варежках.

– Постучи еще! – попросила Трошкина, высвободив из-под шапки примятое розовое ухо и приложив его к дверце шкафа.

Я постучала в разных местах.

– Звук всюду одинаковый, – важно сообщила Алка.

– И что это значит?

– А черт его знает! – призналась самозваная специалистка по акустике. – Думаю, твой документ за шкафом не застрял, он провалился до самого низа и лежит на полу.

– У-у, плохо дело! – пригорюнилась я. – Шкаф большой и тяжелый, да еще соединен с другими модулями стенки, всю конструкцию разом нам не сдвинуть, даже пытаться не стоит!

– Ах, Кузнецова, Кузнецова! – вздохнула бывшая отличница-медалистка. – Вспомни, что я говорила тебе на каждой контрольной по алгебре?

– Ты говорила, чтобы я не кривила шею, заглядывая в твою тетрадь, потому что у нас с тобой разные варианты, – вспомнила я.

– Я говорила: чтобы правильно решить задачу, надо сначала четко ее сформулировать! Зачем это нам двигать всю трехметровую мебельную стенку разом? Разве ты разбрасывала многочисленные документы хаотично, в стиле сеятеля, куда бог пошлет?

– Нет, – кротко ответила я. – Я бросила всего один паспорт и точно за этот шкаф.

– Значит, ограничим зону наших интересов нижней частью этого шкафа, – постановила Алка. – А в нижней части шкафа есть что?

– Ящик, – и кротко, и коротко ответила я.

– Выдвижной ящик! – уточнила Трошкина, после чего присела и резко дернула упомянутый ящик на себя.

Ящик с готовностью выкатился по направляющим. Шкаф стал похож на высоколобого интеллигента с выдвинутой челюстью питекантропа.

– Тут фиксаторы, – посетовала Алка. – Инка, помоги дернуть!

Я тоже присела, взялась за «челюсть» шкафа, и мы дружно дернули. В шкафовом нутре что-то мучительно крякнуло, и низкий выдвижной ящик со всем своим содержимым вылетел на пол.

– Вытянули репку! – воскликнула я, своевременно убрав ноги, чтобы их не придавило.

Трошкина бесцеремонно отодвинула вырванный с корнем ящик в сторону и полезла в образовавшуюся дыру, повелительно бросив:

– Посвети мне своим дегенеративным фонариком!

– Дегенеративным, прям уж! – обиделась я. – Отличный фонарик, между прочим!

– Дай сюда! – Трошкина не стала продолжать хаять осветительный прибор, вырвала его из моей руки и с головой скрылась в проеме.

Мне видна была только задняя половина подружки – подол шубы и азартно ерзающие ножки в уморительных детских сапожках с полосатыми гетрами. У Алки цыплячья лапка тридцать шестого размера, и она запросто подбирает себе обувь в «Детском мире» – там дешевле, чем в магазине для взрослых. Правда, с получением Трошкиной австралийского наследства необходимость нещадно экономить деньги у нее отпала, но соответствующая привычка осталась.

– Слышь, Кузнецова? – глухо воззвала ко мне Алка из недр шкафа.

– Что?

– Фотография в паспорте у тебя просто безобразная! Я не помню, когда это ты ходила завитая и брюнетистая, как каракулевая овца?

– В двадцать пять, когда фотку меняла, – ответила я и всерьез подумала, не обидеться ли мне на «овцу», но тут до меня дошло, что Алкин ехидный комментарий может означать только одно: подружка нашла за шкафом мой паспорт!

Дуться мне тут же расхотелось, возникло другое желание – схватить свой документ, покрыть его красную кожицу горячими поцелуями и прижать к сердцу. Трошкина забилась в шкаф, как моль на зимовку, и огорчительно медлила вылезать, поэтому я крепко взяла ее за щиколотки в детских гетрах и одним рывком выдернула наружу.

В одной руке у Алки был мой фонарик, в другой – мой же паспорт. Я отняла у нее эти важные и нужные предметы и хотела уже спрятать их в сумку, но она сказала:

– Стоп! А ящик на место запихивать мы в темноте будем, что ли? Методом ненаучного тыка?

С возвращением ящика на его законное место пришлось повозиться, он, подлый, никак не хотел заталкиваться обратно в шкаф, и мы с Трошкиной аж взмокли от усилий.

– Жарко! – объявила Алка, машинально стерев пот со лба какой-то тряпочкой, подхваченной из ящика.

– Ты утираешься носком, – сообщила я подружке.

– Могу предложить тебе второй, тоже утрешься, – парировала она.

– Я лучше платочек найду, – сказала я и с новым интересом взглянула на содержимое ящика, дотоле не привлекавшее моего внимания. – Вот это да! Неужели?

– В чем дело? – спросила Алка.

Я двумя руками торопливо вытянула невесомый сверток белого батиста, оказавшийся мужской рубашкой из превосходного тонкого полотна. На ощупь ткань была чуточку влажной, как будто ее совсем недавно достали из барабана стиральной машины с хорошим отжимом и не дали окончательно просохнуть.

– Алка, это же та самая рубашка, которая была на убитом Полуянце! – возбужденно сообщила я. – Я ее отлично запомнила, такая тонкая белая ткань в крошечных бурбонских лилиях, и оборванная верхняя пуговка на воротнике! Значит, рубашку с трупа сняли и постирали!

– Постирать ее, конечно, могли, – согласилась Алка. – Но где же, в таком случае, дырка от кинжала? Ее что, зашили?

– Гм… Действительно, где же дырка? – я внимательнейшим образом рассмотрела грудь рубашки, особенно – район кармана на левой полочке, но никаких сквозных отверстий не нашла.

И никаких швов тоже!

– Может, у Полуянца было две одинаковых рубашки? – подумав, предположила я.

– И обе с оборванными верхними пуговками? – напомнила Алка. – Думаешь, у Полуянца такой бзик – пуговки обрывать?

На всякий случай мы еще покопались в белье Ашота Гамлетовича и выяснили, что такого бзика у него не было, на других сорочках все до единой пуговицы оказались на месте.

– Вопрос «А был ли мальчик?» вновь приобретает остроту! – заметила по этому поводу Трошкина. – Был ли Полуянц убит кинжальным ударом в область грудной клетки или же это тебе примерещилось? Вообще-то, конечно, ковер мокрый…

– Трошкина, я сейчас тебя убью! Или себя! – рассердилась я. – Не морочь мне голову! К черту этого загадочного Полуянца с его кинжалом, рубашкой, ковром и прочим барахлом в ассортименте! Давай засунем проклятый бельевой ящик на место и унесем ноги из этого приюта блудного покойника, пока нас тут не застукали!

Против обыкновения, Трошкина не стала спорить. Мы удвоили усилия, затолкали ящик в брешь, частыми нервными пинками загнали его на место и покинули странную шестьдесят пятую квартиру тем же путем, каким пришли, – через балкон.

На козырек подъезда мы прыгать не стали, оборвали с одной стороны имевшуюся на балконе одинокую веревку для сушки белья и по ней спустились прямо на елочку.

– Аки херувимы! – прокомментировала Алка.

– Кто?!

– Ангелочки с крылышками, типичное украшение рождественского дерева, – объяснила она.

Елочка протестующее затрещала, недвусмысленно намекая на несоответствие габаритов ангелочков и украшенного ими дерева, и мы поспешили с нее слезть.

– Ну, что? Миссия выполнена! – гордо и радостно объявила Алка, выбравшись из заснеженной клумбы на несколько менее заснеженную улицу и отряхнув подол. – Это надо отметить!

– С меня тортик! – согласилась я.

Оживленно обсуждая вопрос выбора тортика и трогательно поддерживая друг друга на скользких участках дороги, мы с подружкой прошествовали по Белоберезовой улице до ее пересечения с какой-то другой магистралью, тоже абсолютно белой, и там поймали такси, доставившее нас сначала в кондитерскую, а потом к Алке домой.

Глава 4

Димон прилип к дивану, как мыльница на присосках к бортику ванны. Мозг его лихорадочно работал, а тело оставалось неподвижным: ноги и руки стали

чугунными. На дальнем краешке сознания, не занятом широкомасштабным мыслительным процессом, Димону мерещился он сам, сидящий в такой же позе, но не на мягком домашнем диване, а на жестких тюремных нарах. Это виденье его сильно нервировало и отвлекало от дум, он очень старался от него избавиться, для чего выпил полфлакона валерьянки, но добился только того, что одна безрадостная картинка превратилась в целый комикс: Димон сидит на нарах, Димон хлебает баланду, Димон печально глядит в зарешеченное окошко, Димон гуляет по кругу в полосатой робе, крайне мало похожей на модели одежды из каталога «Гюнтер».

– Чтоб его черти взяли! – в сердцах выругался Димон в адрес этого самого каталога.

Увы, было гораздо более вероятно, что толстенный журнал с цветными картинками возьмут не черти, а оперативники, которых рано или поздно кто-нибудь вызовет в шестьдесят пятую квартиру шестого дома по Белоберезовой улице телефонным звонком с сообщением о двойном убийстве.

Димон понимал, что при таком раскладе ничего хорошего ему не светит. Между страницами каталога, опрометчиво оставленного им на месте преступления, лежал листок, на котором он собственноручно записал новый заказ. Его сделала усиленно молодящаяся дама позднего бальзаковского возраста, любезно пообщавшаяся с Димоном в квартире номер сорок того же дома. В «Гюнтере» мадам присмотрела себе прелестный девичий гарнитур: летние шортики в голубенький цветочек, маечку с крупным изображением придурковато улыбающейся пчелы и соломенную шляпку с букетиком незабудок, на каждой из которых сидела дебильная пчелка поменьше. Димон с жаром заверил мадам, что в этом оригинальном наряде она будет совершенно неотразима, и записал ФИО, адрес и телефон пожилой кокетки. Не было никаких сомнений, что она вспомнит приятного молодого человека, щедро осыпавшего ее комплиментами, и наведет сыщиков на Димона.

Да, так и будет: менты найдут на месте преступления каталог, а в нем – листок с записью данных тетки из сороковой квартиры, зададут ей пару вопросов и выйдут на Димона. Откреститься от «Гюнтера» не удастся, в приступе трудового энтузиазма он совался во все квартиры подряд, так что запомнили его в том доме многие. Димон это понимал, но не знал, что ему теперь делать.

Может, метнуться обратно и попытаться забрать свой каталог? Увы, Димон прекрасно помнил: убегая, он захлопнул наружную дверь и замок громко щелкнул. Ключа у него, разумеется, нет, а ломать чужую дверь слишком рискованно: если его за этим делом поймают, приплюсуют к убийству грабеж со взломом.

Димон никогда не умел принимать правильные решения под давлением времени и сейчас прямо-таки физически чувствовал, что с каждой секундой, проведенной в бездействии, его шансы прожить долгую жизнь на свободе неуклонно понижаются. Нехотя, с большим трудом, Димон разлучил свой зад с мягкой поверхностью дивана, обулся, оделся и вышел из квартиры.

Снегопад закончился, но машин на улице было мало. Димон долго семафорил руками на краю тротуара, пока не остановил частного извозчика. Машина, под брюхом которой налипло так много грязного снега, что она походила на кита, медленно поползла на Белоберезовую улицу.

В окнах шестьдесят пятой квартиры горел свет. Димон вздохнул и поплелся в подъезд, на ходу прикидывая, каковы шансы на то, что он ослышался и замок не защелкнулся. Димон поднялся на второй этаж и толкнул нужную дверь. Зря он надеялся на чудо: дверь была заперта. Значит, прошмыгнуть в квартиру повторно и потихоньку утащить свой каталог не удастся.

Безрезультатно потолкав невозмутимую дверь, он совершенно машинально потянулся к стучалке и начал колотить по дереву тяжелым бронзовым кольцом. Наверное, это было очень глупо – не ожидал же он, в самом деле, что кто-нибудь из покойников любезно поднимется с ковра и соизволит впустить в квартиру Димона!

Размеется, никто ему не открыл, даже не отозвался. За дверью царила самая настоящая мертвая тишина. Димон в отчаянии пару раз ударился в стену головой, это ничего не изменило, и он обессиленно опустился на извращенческий коврик с изображением смуглого педика с козлиной бородкой и густо накрашенными глазами.

Обхватив плечи руками, он раскачивался из стороны в сторону и думал, думал, думал… Единственное решение, которое он видел, Димону ужасно не нравилось, но другого выхода, похоже, не было. Он скажет, что зашел в шестьдесят пятую

квартиру, чтобы предложить жильцам посмотреть каталог. Дверь была открыта, вот он и вошел. Двинулся на голоса – в комнату. Увидел работающий телевизор и два трупа на ковре. Испугался, выронил каталог, убежал из квартиры и захлопнул за собой дверь. Пришел в себя уже на улице, и то не сразу: шок, знаете ли! Такие сцены не для слабонервных, а он даже фильмы ужасов не смотрит и детективы не читает, только добрые детские сказки. В общем, как только очухался, сразу позвонил в милицию. Все. Больше он ничего не знает.

Димон вытянул из кармана сотовый телефон, набрал простенький номер из двух цифр и дрожащим голосом произнес в трубку:

– Алло, милиция? Совершено убийство! Запишите: улица Белоберезовая, дом шесть, квартира шестьдесят пять. Там два трупа.

– Кто звонит?

– Я! Я случайно зашел и увидел покойников. Приезжайте! – И он совершенно искренне добавил:

– Мне очень страшно!

Разбираться с анонимным заявителем приехал дежурный милицейский наряд. Машина с выключенной мигалкой тихо, без шума подкатила к пятому подъезду. Димон топтался на ступеньках.

– Ты, что ли, в милицию звонил? – проявив проницательность, спросил толстый дядька в милицейском тулупе, меховой воротник которого поддерживал его бульдожьи щеки не хуже бюстгальтера.

Димон с перепугу сначала замотал головой, но потом все-таки признался:

– Я, я!

– Шпрехен зи дойч? – фыркнул второй милиционер – помоложе, не толстый и не в тулупе.

– Я, я! – вспомнив школу, повторил затурканный Димон.

– Белкин, не морочь голову свидетелю! – буркнул щекастый.

– А я не свидетель, я их просто нашел! – поспешил возразить он.

– Свидетель, не морочьте нам голову! – потребовал щекастый. – Вперед!

Он подтолкнул Димона в спину, и они втроем быстро поднялись на второй этаж.

– Квартира шестьдесят пять! – констатировал «бульдог», изучив номер на двери.

Он постучал и прислушался. Постучал еще, толкнул дверь и недовольно посмотрел на Димона:

– Закрыто, что ли?

– Это я случайно захлопнул! – повинился тот.

– Что, Семеныч, ломать будем? – догадался Белкин. – Тогда я сейчас понятых организую.

– Я сам организую, – сказал щекастый. – А ты за пацаном смотри, чтобы не сдернул в разгар событий. Знаю я нынешнюю молодежь, сплошь шутники, а юмор у них дурацкий.

Ворча что-то нелестное в адрес младого поколения, он двинулся по лестничной площадке и поочередно стучал в каждую дверь, но ни одна из них не открылась, хотя в шестьдесят восьмой квартире – Димон ясно видел – кто-то надолго приложился к глазку. Сердитый Семеныч сменил адресную аудиторию и начал ругать безразличных ко всему обывателей, которым по барабану, есть по соседству трупы или трупов нету. Ругался он громко, и был услышан, на что, очевидно, и рассчитывал.

– Никак, убили кого? – вопросил из-за двери шестьдесят восьмой квартиры басовитый голос с сочными вампирскими нотками.

Один за другим щелкнули три замка, зазвенела цепочка, дверь открылась.

– Уж не Ашотку ли убили? – поинтересовалась толстая бабка в затрапезном махровом халате с чужого плеча.

Кроме халата, обметающего подолом пол, на ней были очки с огромными круглыми стеклами и одинокая бигудина на месте предполагаемой челки. Бигудина была здоровенная, как банка из-под пепси, и затеняла бабкину физиономию на манер козырька. Виден был главным образом длинный вялый рот, углы которого круто загибались вниз – очевидно, под тяжестью двух больших волосатых бородавок, расположенных поразительно симметрично. Судя по бигудине, бабка еще не изжила в себе кокетство, хотя хороша была примерно так же, как престарелая родственница Царевны-лягушки по земноводной линии.

– Стойте здесь, гражданка, вы нам понадобитесь, – сказал старухе-лягухе строгий Семеныч, удаляясь на первый этаж.

– Нипочем не уйду! – пообещала бабка, настырно разглядывая сквозь окуляры потерянного Димона. – А ты, милок, кто будешь?

Он предпочел притвориться, будто не услышал вопроса.

– Вот от таких молодых да нахальных все беды! – заявила на это старуха-лягуха. – Ашотка, дурак, с приличными людями знаться не хотел, ну, так ему и надо!

– Вы это, гражданочка, о чем? – заинтересовался Белкин. – Вы в курсе, что с соседом вашим приключилось?

– Знать не знаю, вот те крест! – Бабка размашисто перекрестилась и снова вылупилась на Димона. – А только что бы там с Ашоткой ни приключилось, он это заслужил! Невежливый мужик, невнимательный: с праздником не поздравит, за солью не зайдет, сумку с картошкой даме поднести – не дождешься…

С нижнего этажа с топотом примчались щекастый Семеныч и дородная молодая женщина с деревянной лопаточкой в руке.

– Что тут у вас, давайте побыстрее, у меня котлеты жарятся, – попросила молодайка.

Очевидно, судьба котлет была милиционерам не безразлична, потому что просьбу черноокой гражданочки они уважили и перешли к решительным действиям. С третьего этажа на подмогу представителям правоохранительных органов был вызван мужик с топором, и с его помощью удалось справиться с несговорчивой дверью шестьдесят пятой квартиры.

– Хорошо, всего один английский замок защелкнулся! – сказал сноровистый дядька с топором. – Тут ведь еще два замка, засов и стальные штыри растопыркой в косяк!

– Хорошо, – согласился Семеныч и отчего-то посмотрел на Димона.

Ему сразу стало совсем нехорошо, и он не пошел на экскурсию в открытую квартиру вместе со всей делегацией, остался на лестничной площадке в компании бдительного Белкина.

Из квартиры послышались охи-вздохи. Громче всех пыхтела старуха-лягуха, ее притворно горестное кваканье разносилось на весь подъезд.

– Что, Семеныч, есть такое дело? – крикнул с порога понятливый Белкин.

– Есть.

– Пойдем, приятель, – Белкин крепко ухватил деморализованного Димона повыше локтя и увлек в квартиру.

Димон не сопротивлялся, но глаза малодушно закрыл. К счастью, Белкин привел его не в комнату, а в кухню. Тут Димон еще не был, поэтому не без интереса осмотрелся. Интересовало его главным образом одно: нет ли в пищеблоке еще каких-нибудь убиенных граждан и гражданок. Их там не было, и Димон в относительном спокойствии сел на табурет – дожидаться приезда опергруппы.

Серьезные деловитые мужчины наводнили квартиру минут через двадцать. За это время Димон успел три раза рассказать свою историю скучающему Белкину и отшлифовал рассказ, как театральный монолог. Лысоватый мужик из числа вновь прибывших уединился с ним на кухне, отпустив с миром Белкина, и с готовностью принял на себя роль публики. В первый раз он выслушал Димона, не

перебивая, и попросил повторить сказанное на бис. Тот повторил, попутно отвечая на вопросы. Лысоватый слушал и кивал, так что Димон приободрился и начал всерьез надеяться, что все обойдется.

Как бы не так!

– Давайте, гражданин Касаточкин Дмитрий Иванович, подытожим сказанное вами, – задушевно предложил лысоватый. – Итак, вы вошли в эту квартиру с целью предложить ее обитателям полистать каталог одежды. Однако заняться этим милым делом было некому. Вы увидели два мертвых тела, мужское и женское. Смуглый мужчина в белой рубашке и черных брюках лежал на залитом кровью ковре, и в груди его торчал кинжал. Красивая молодая женщина в пальто с капюшоном лежала тоже, там же, так же, но без кинжала. Так?

– Так! – кивнул Димон, радуясь достигнутому взаимопониманию.

– Не так! – тихо, душевно, с сожалением возразил лысоватый. – У нас тут не два трупа, а всего один. Он, правда, смуглый и мужского пола, но не в брюках и рубашке, а в спортивном костюме, и убит не кинжалом, а ударом тяжелого тупого предмета по голове.

– Кажется, я адресом ошибся! – глупо пробормотал Димон и привстал с табурета, словно собираясь бежать, искать в окрестностях квартиру с двумя трупами, подходящими под его описание.

– Сидеть! – крикнул лысоватый. – Удар по голове жертвы нанесен толстым журналом в самодельной фанерной обложке.

Димон рухнул на табурет. Крепкую фанерку к каталогу «Гюнтер» он приспособил самолично, чтобы журнал не мялся и не терял форму. Лысоватый печально посмотрел на Димона и снова заговорил тихо, ласково:

– А теперь, Дмитрий Иванович, расскажите честно, как и почему вы убили гражданина Ашота Гамлетовича Полуянца?

Глава 5

Тортик был чудесный: бисквитные коржи в меру пропитаны ликером, сливки взбиты в крепкую пышную пену, фрукты в прослойке восхитительно свежи.

– У-м-м-м! – промычала я, облизывая пальцы после второго куска и уже косясь на третий.

– Тебе ш рожовым шветощком или ш беленьким? – с набитым ртом прошамкала Трошкина, в очередной раз занося нож над ополовиненным тортом.

Я задумалась, обстоятельно сравнивая достоинства розового и беленького цветочков, и немного замешкалась с ответом, поэтому Алка рассудила по-своему:

– И ш тем, и ш другим!

С этими словами подружка старательно выпилила из торта кусочек в форме большой буквы «г» – эта загогулина позволила захватить сразу два розана.

– Спасибо, дорогая! – с признательностью сказала я, принимая сладкий кус. – И за тортик, и вообще!

– Пользуйся моей добротой! – важно ответствовала Трошкина и отхватила себе немалый ломоть сразу с тремя цветочками.

– Чин-чин!

Мы звонко чокнулись серебряными ложечками и уже приготовились погрузить их в нежную бисквитную плоть тортика, когда в прихожей запел звонок.

– Кто это так некстати? – заволновалась Алка, покосившись на торт, которого осталось уже не так много, чтобы с кем-то делиться.

Она положила ложечку и убежала в прихожую. Я услышала щелчок замка, а потом умиленный голос подружки:

– Ой, кто это к нам пришел, такой миленький, хорошенький, ушастенький!

– Чебурашка, что ли? – вслух задумалась я.

– Сама ты Чебурашка! – ответил, входя в кухню, Денис Кулебякин – мой любимый эксперт-криминалист.

– Миленький, ты вроде не такой уж ушастенький? – удивилась я.

Тут из-под ног Дениса в кухню прошмыгнул, спасаясь от Алкиных слюнявых нежностей, бассет-хаунд Барклай. При виде высящихся на столе руин торта и пес, и его хозяин сделали стойку.

– Что празднуем?

Денис потер руки и всем своим видом дал понять, что готов разделить наше веселье независимо от его повода.

– Празднуем Инкину амнистию! – брякнула Трошкина.

Я посмотрела на нее большими и пугающе горящими глазами собачки из сказки «Огниво», и Алка осеклась – с опозданием смекнула, что сказала что-то не то.

– Меня сегодня пораньше отпустили с работы, чем не амнистия? – выкручиваясь, соврала я.

– И это все? – не поверил Денис, проявляя профессиональное недоверие к свидетельским показаниям.

– Нет, это не все! Еще я сегодня очень удачно упала, ты пощупай, какая шишка! – напрашиваясь на сочувствие, я подставила милому свой припухший затылок.

Он послушно пощупал шишку и удивился:

– И это ты называешь – удачно упала?

– Конечно! Кто упал неудачно, те в травматологии лежат, – беспечно ответила я.

– А ты не только не лежишь, но даже не сидишь! – с намеком подмигнула мне Алка.

Ее так и тянуло проболтаться Денису о наших полукриминальных приключениях, но этого нельзя было делать. Если Кулебякину рассказать, как мы незваными-непрошеными ходили в гости к предполагаемому покойнику Ашоту Гамлетовичу Полуянцу, он переполошится, начнет выяснять, что к чему, разовьет бурную деятельность, а нас с Трошкиной на все время выяснения и развития посадит под замок. И хорошо еще, если дело ограничится только домашним арестом!

– Что значит – ты не сидишь? – Денис уцепился за Алкины глупые слова и уставился на меня с удвоенным подозрением.

Я тут же приподнялась с мягкого табурета и демонстративно зависла задом над его поверхностью, как вертолет над палубой авианосца:

– Не сижу, потому что мне сидеть больно! Я сегодня, когда упала, не только затылком, но еще и копчиком ударилась!

– Дай пощупать! – чрезвычайно оживился милый.

– Позже, – пообещала я.

Это заставило Дениса забыть о всяческих подозрениях.

– А кто хочет тортика? – светски спросила Алка, круто меняя тему.

Я тихо вздохнула. Тема поедания торта, конечно, была лучше темы наших вечерних похождений, но я бы предпочла поговорить о погоде, о природе, даже о футболе! Ужасно не хотелось делиться тортиком с такими знатными обжорами, как капитан Кулебякин и его верный пес.

– Я!

– Гау! – в один голос гаркнули обжоры.

– По одному маленькому кусочку, – предупредила Трошкина, выкраивая для незваных гостей пару весьма умеренных порций.

И она жалостливо добавила:

– Соседские детишки очень просили нас оставить им хоть немного лакомства.

– Детишек обижать нельзя! – поддакнула я и вытянула из-под локтя Дениса коробку с остатками тортика.

Алка быстро спрятала короб в холодильник, мы с ней заговорщицки перемигнулись и повеселели. Если вдуматься, Трошкина не соврала: мы с ней живем поблизости, и обе еще очень-очень юны душой, так что вполне сойдем за соседских крошек, страстно жаждущих лакомства.

Денис и Барклай мигом слопали угощение и в четыре глаза уставились на закрытую дверцу холодильника.

– Ну, с чем пожаловали? – отвлекая внимание Дениса от морозильного агрегата, спросила Трошкина.

Это прозвучало так, словно Алка интересовалась, принес ли он что-нибудь к чаю. Денис, вероятно, так ее и понял, потому что вопросительно глянул на Барклая. Тот сокрушенно тряхнул ушастой головой.

– Извиняюсь, что с пустыми руками, но мы вообще-то не в гости шли, – слегка сердито сказал Денис. – Мы вот эту деятельницу искали!

И он положил тяжелую руку на мое плечо.

– У тебя есть право хранить молчание и требовать адвоката! – быстро подсказала Алка.

– Я сама разберусь, без адвоката, – ответила я, стряхнув руку капитана Кулебякина.

После чего уперла собственные руки в бока и с вызовом спросила:

– В чем дело? Какие у тебя ко мне претензии?

– Гау! – укоризненно сказал Барклай, откровенно не одобряя взятый мной тон.

– А ты полегче! – предупредила я пса. – Я ведь тоже могу облаять!

– Спокойно, Барклаха, я сам разберусь! – сказал Денис, буравя меня острым взглядом.

– Вот и хорошо, разбирайтесь сами! – обрадовалась Трошкина. – Тет на тет! А мы с Баркласиком пока в комнату пойдем, посмотрим кино про собачку Бетховена.

– Гау! – с нескрываемым отвращением сказал бассет.

– Он не любит про Бетховена, – объяснил Денис. – Ему нравятся фильмы про специально обученных собак: «К-9», «Три танкиста» и еще этот немецкий телесериал про полицейскую овчарку.

– Это где псина гораздо умнее, чем ее хозяин? – не удержалась от шпильки Трошкина.

– А и правда, шли бы вы… кино смотреть! – в сердцах посоветовал ей Кулебякин.

– Нет, Алка, останься! – завелась я. – Пусть этот невоспитанный тип сформулирует свои претензии ко мне при свидетеле!

– Но, я так понимаю, дело личное? – пролепетала Трошкина.

– За личное не наказывают по служебной линии, – возразил Денис.

– Кулебякин, тебя что, разжаловали в постовые милиционеры? – зло съязвила я.

– Пока просто выговор объявили, – поиграв желваками, сообщил он. – Строгий.

– Бедненький! – посочувствовала ему добрая душа Трошкина. – А за что выговор?

– За тревожный чемоданчик, – ответил Денис и снова принялся сверлить меня недобрым взглядом.

– О! – вымолвила я и замолчала.

– Так что там с чемоданчиком? – не дождавшись продолжения, спросила Алка. – Почему он тревожный? У него какой-то такой особый вид, вызывающий тревогу? Или беспокойство порождает его содержимое?

– Тревожным называется особый, заранее укомплектованный чемоданчик, с которым обязан прибыть к месту сбора по тревоге каждый уважающий себя сотрудник огранов внутренних дел, – скучно объяснил Денис.

– Уважающие себя сотрудники органов внутренних дел держат свои тревожные чемоданчики при себе, а не в квартирах соседей, – ехидно заметила я.

– Гау! – виновато сказал Барклай.

– А ты-то тут при чем? – Алка потрепала удрученного бассета по гладкошерстной башке.

Барклай отвел глаза. Я-то знала, в чем суть непримиримого конфликта между псом капитана Кулебякина и его же тревожным чемоданчиком, но решила не конфузить Барклая.

Пес терпеть не может, когда его хозяин срывается по тревоге, нарушая распорядок жизни четвероногого друга. Свое недовольство беспокойной работой Дениса Барклай перенес на злополучный чемоданчик и всячески его третирует: то углы обгрызет, по раздерет когтями, то вообще справит на обязательный милицейский аксессуар малую собачью нужду. Когда Денису надоело регулярно тратиться на покупки новых чемоданчиков, он завел обыкновение по-свойски держать свою тревожную ручную кладь у нас. Ему так вполне удобно, по тревоге все равно приходится бежать вниз по лестнице, так что заскочить в квартиру этажом ниже – не большая проблема. Тем более что в нашем семействе люди сплошь сердобольные, даже если встревоженный Денис

будит нас среди ночи, его никто не ругает, наоборот! Папуля успевает сунуть в карман служивому сверток с бутербродами, мамуля пафосно благословляет его на подвиги, а я не ленюсь подбодрить милого крепким поцелуем. В общем, до последнего времени такой расклад капитана Кулебякина вполне устраивал. За полгода мы разыгрывали этот сценарий уже трижды, в последний раз – как раз минувшей ночью, и Денис, как мне показалось, был всем доволен.

Я повторила последнее соображение вслух, и милый кивнул:

– Я-то был доволен, а вот генерал – нет.

– Какой генерал? – нахмурилась я.

Поднятый по тревоге Денис заскочил к нам в пятом часу утра. Я до (и после) того момента крепко спала, ритуальный поцелуй герою влепила с закрытыми глазами и потому не видела, был ли Кулебякин один. Может, с ним вместе приходил какой-нибудь генерал, который обиделся, что его никто не вдохновил на подвиг пламенным лобзаньем?

– Очень строгий генерал из высокой комиссии, – сказал Денис. – Он собственноручно проверял тревожные чемоданчики личного состава краевого ГУВД.

– Что, перетряхивал весь ваш багаж, как украинский таможенник? – Алка неуместно восхитилась неленивым генералом.

– Нет, он перетряхнул только пять чемоданчиков, – ответил Денис. – Один из них был мой.

– Так он вошел в топ-пятерку хит-парада! – хихикнула я. – Ты должен гордиться!

– Я бы и гордился, если бы кто-то не похозяйничал в моем чемоданчике! – Кулебякин рассердился. – Колись, Инка, куда делись мои сухари? Два кило хлебных сухарей, обязательных по описи!

– Сухари в большом количестве зачем-то понадобились папуле, что-то такое он готовил – то ли сухарный пирог «Владимирский централ», то ли хлебную бабу

по-тагански, я уже не помню, – ответила я. – Но мы же возместили тебе ущерб, так?

– По правилам в тревожном чемоданчике должен находиться личный запас продовольствия, – объяснил Денис специально для Трошкиной. – Два килограмма хлебных сухарей, банка мясосодержащих консервов, банка растительносодержащих…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

О связанной с этими событиями детективной истории читайте в романе Е. Логуновой «Дефиле озорных толстушек», издательство «Эксмо».

Купить: https://tellnovel.com/logunova_elena/molilas-li-ty-na-noch

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити